

P. a. miss. 88 h

<36632004510015

S

<36632004510015

Bayer. Staatsbibliothek

Р. о. тисл. 88 к

Купил в Спб.
Сперанский

СОЧИНЕНІЯ

АКИМА

НАХИМОВА.

55 R

REPRINTED

IN 1871

BY THE

СОЧИНЕНІЯ

АКИМА НАХИМОВА,

ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗЪ,

ПАПЕЧАТАНЫЯ ПО СМЕРТИ ЕГО.

Блеснуть искусствомъ я нимаю не искалъ;
Что сильно чувствовалъ, то смѣло написалъ.

ИЗДАНИЕ ТРЕТІЕ, ДОПОЛНЕННОЕ.

МОСКВА.

Въ Типографіи С. Селивановскаго.

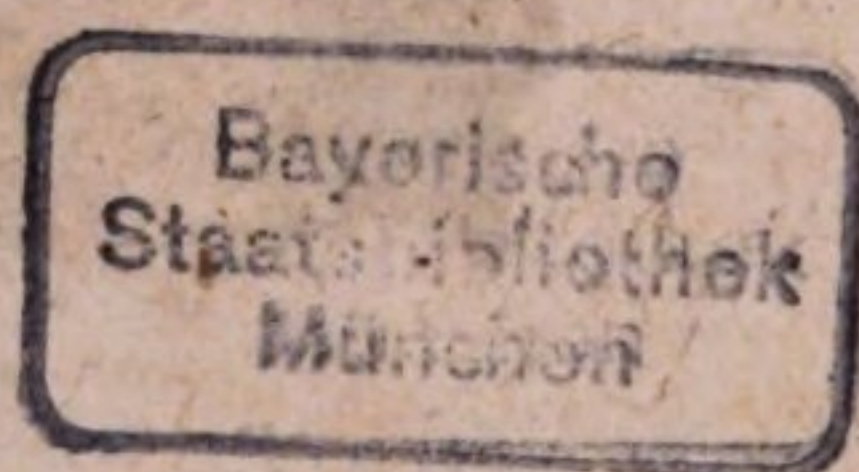
1822.

2g
H-34
78/72/759
2+MK (ли. 2-й)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ
Типографіи, представлены были въ Цензурный
Комитетъ семь экземпляровъ сей книги для пре-
провожденія куда слѣдуетъ на основаніи узаконеній.
С. Пешербургъ. Іюня 12 дня 1821 года.

*Ценсоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Ив. Тимковскій.*

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стран.

Мнѣніе о сочиненіяхъ Нахимова	5
Описаніе жизни Анима Николаевича Нахи-	
мова	7
Къ самому себѣ	21

I. Сатирическія сочиненія.

Предисловіе къ Россійской Грамматицѣ .	29
Элегія	31
Звѣринецъ	33
Отрывки изъ Пурсоніады изъ первой пѣсни.	39
— — Изъ второй пѣсни	41
Грѣдкости, которыя удалось мнѣ видѣть	44
Забавная бесѣда	46
Поэты и Математики	47
Мерзляки	51
Описаніе славнаго парика	53
Пѣснь лужѣ	54
Саранча	56
Отрывки изъ письма пріятеля моего .	58

II. Б а с н и.

Живописецъ	65
Орелъ и стрѣлокъ	66
Ласточка и колоколъ	67
Откупщикъ и Харонъ	—
Море и рѣка	69
Юпитеръ и нешопыри	—
Юпитеръ и Фавнъ	70
Цвѣты и солнце	71
Молодой орелъ	72
Мѣльница безъ мѣльника	—
Разговоръ о соловѣѣ	73
Парикъ и болванъ	—
Воля и лошадь	74
Свиньи и ягненокъ	75
Пчела и оса	76
Мосъка и собака на привязи	77
Зыль и алмазъ	78
Желѣзо и кузнецъ	—

Находка	79
Дуракѣ и драгоцѣнный камень	—
Барышникѣ	80
Осель въ щасшіи	81
Дамонѣ	82

III. Надписи.

Суворову	85
Пышному мавзолею	—
Неизвѣстному сочинителю Пѣсни Игорю	—
Злонраву	86
Клишу	—

IV. Эпиграммы.

Польскому Королю Попилу	89
Тарасу-авшору	—
Клишу	—
По случаю списыванія портрета	90
Къ Вѣшранамъ	—
Гуру	—
Скупягѣ	—
Пигмаліону	91
Клишу	—
Къ моднымъ женщинамъ	—
Кушейкину	92
Къ набѣленной кокешкѣ	—
Лекарю	—
Золотой дождь	93
Ослу вельможѣ	—
Франшу	—
Фокѣ	94
Виртуозу Аншипу	—
Ему же	—
Ему же	95
Бомбастусу	—
Весельчану	96
Ему же	—
Клишу	—
Глупону	97
Чортѣ и Смерти	—

Вопросъ Француза и отвѣтъ Рускаго	97
Гораціеву подражателю	98
Ему же	—
Ему же	—
Педанту сочинившему эпиграмму	—
Сновидѣніе	99
Хрѣнобду	—
Подбичему	—
Глупому Спихотворцу	—
Безбожнику	100
Федулу	—
Силу	—
Прекрасному, но глупому мужику	—
Гуру	101
Ему же	—
Танцмейстеру Легкоскоку	—
Климу	102
Невѣроятный слухъ	—

V. *Эпиграмы.*

Петру Великому	105
Завоевателю	—
Надушову	—
Вельможѣ	—
Моисею, погибшему отъ любви	106
Аншину виршуозу	—
Ему же	—
Ему же	107
Ему же	—
Лекарю	—
Игроку	108
Бардусу	—
Одному молодому человѣку	—
Г У	109
Высокоученому	—

VI. *Разныя мѣлкя стихотворенія.*

На полученіе Кандидатскаго достоинства	113
Стихи по прочтеніи Сумаронова	114
Похвала гусиному перу	—

Фортуна	115
Къ нѣкоторой шнашулѣ	—
Зеркало и уродъ	116
Сравненіе	—
Кончина одного молодого, знатнаго и бога- шаго человѣка	117
Собаки	—
Къ людямъ	118
Спихи на пушѣ изъ города въ деревню	—
Цвѣшочки	—

VII. Лирическія сочиненія.

Поэма	121
Златое время	124
Осень	126
Къ Россіи	127

VIII. Статьи Священнаго содержанія.

Пѣснь вѣрѣ	131
Сонетъ	138
Молитва	—

IX. Прозаическія сочиненія.

Сказаніе о Оемидѣ и объ иноплеменныхъ приказныхъ	141
Историческое и философическое разсуж- деніе о блохѣ	150
Словесныя обезьяны	155
Разговоръ между двумя мертвецами и Мер- куріемъ	165
Нѣчто объ умѣ и просвѣщеніи	174
О памяти	178
О различіи между памяшью, воображеніемъ и разсужденіемъ	182
Взглядъ на прозбу къ Александру І досшой- нѣйшаго сына Фельдмаршала Гумянцева — Задунайскаго	185
Примѣръ правительсва сильнѣе законовъ	188
Гимнъ славы	192

МНѢНІЕ О СОЧИНЕНІЯХЪ НАХИМОВА.

Сочиненія Нахимова ни мало не похожи на такія, которыя до тѣхъ только поръ и живущъ, пока они на языкѣ у самаго автора. Въ нихъ видна равная степень изобрѣшательности и опдѣлки. Правда, пороки, которые онъ разилъ, по гнусности своей, разнообразны до безконечности. Но признайся надобно: чѣмъ труднѣе брашь ихъ испинно сапирическія спороны, тѣмъ болѣе пошребно искуссва и остроумія для того, чтобы сдѣлать ихъ пріятными даже тѣмъ, опъ кого они заимствованы, и не оскорбишь тонкаго чувсва людей образованныхъ. — Нахимовъ успѣлъ въ этомъ совершенно.

Забавно для насъ одно только, именно: многіе, разумѣется такіе, которые уже не стоявъ *бумаги и гернилъ*, берутъ нѣкоторыя опрывки его прямо на свой щепъ. Всякой подумаетъ, что такіе вмѣняющъ себѣ въ честь — видѣтъ почное изображеніе себя въ печатной книгѣ и еще спихами, да и опмѣнными!

Замѣшимъ для таковыхъ, что критика, сатира и пасквиль, сколько по видимому ни похожи другъ на друга, но разнятся между собою чрезвычайно. Всѣ при имѣющъ въ

предметѣ—высказывая недоспашки произведеній человѣческихъ; но

Критика показываетъ погрѣшности и ошибки для того, чтобы воспользовался замѣчаніями пошѣ, къ кому они относятся. Припомѣ справедливый критикѣ замѣчаетъ и совершенства.

Сатира показываетъ одни недоспашки и остроумно осмѣиваетъ ихъ, не касаясь личности шѣхъ, въ комѣ замѣчающія сіи недоспашки.

Пасквиль также показываетъ недоспашки и осмѣиваетъ ихъ; но шупѣ сочинитель указываетъ именно на какое нибудь лицо. А поелику въ образованныхъ обществахъ всякой такой поступокѣ прошивенѣ благоприспоспашности и при томѣ вреденѣ для описываемаго лица, то такіа сочиненія строго запрещаются.

Кудажѣ теперѣ опнесемѣ мы сочиненія Нахимова? Конечно ко второму роду. И смѣшенѣ будетѣ пошѣ, кто превратитѣ сапиру въ пасквиль для себя.

(*Украинской Вѣстникѣ 1816. N I.*)

Въ концѣ прошлаго 1818 года вышла въ С. Петербургѣ книжка (*) подѣ названіемъ: *Память о Харьковскомъ Стихотворцѣ Акимѣ Николаевичѣ Нахимовѣ*, написанная Докторомъ В. Масловичемъ. Въ сей *Памяти* помѣщены краткая біографія и скромное замѣчаніе на оба изданія его Сочиненій. Въ самомъ началѣ ея, послѣ не новыхъ впрочемъ поняшій о любви къ родинѣ, изложены также очень благовидно и побужденія, привлекшія сочинителя къ жизнеописанію Харьковскаго пѣвца: —это собственная его любовь къ родинѣ (спр. 6) и признательность къ дарованіямъ Стихотворца Нахимова (спр. 7) (**). Каковы бы впрочемъ ни были сіи побужденія, трудъ Г. Масловича, предпринятый для чести

(*) Напечатана въ типографіи Н. Греча.

(**) Да будетъ позволено сдѣлать здѣсь не уступающее въ скромности замѣчанію Г. М. шаковое. были причины, гораздо сильнѣйшія вышеприве-

єдиноземца, дѣйствительно былъ бы похва-
ленъ и принесъ бы самому ему честь, естли
бы онъ память объ немъ, или біографію,
составилъ основательную и справедливую;
но, къ сожалѣнію, сего въ ней нѣтъ. Всякой,
кому только угодно заглянуть въ *Память Г.
М.*, сравнивъ ее съ почною, ниже сего изло-
женною его біографією, почти на каждой
спраницѣ найдеть анахронизмы и другія
несообразности. И не удивительно: Г. М.
писалъ ее по слуху, въ чемъ однакоже не при-
знался, слѣдовательно въ его сочиненіи нѣтъ
и искренности; но что, всего удивительнѣе,
что Г. М., бывъ самъ любитель и производи-
тель стиховъ, не попытъ настоящаго
характера Нахимова изъ его стихотвореній,
и отъ того приписалъ ему одну скромность,
на какихъ-то спранныхъ его основанную
(спран. 22). Все вышесказанное подало

денныхъ Сочинителемъ побужденій, кои, такъ
сказать, вырвали у него столь поспѣшное и отъ
того во многомъ нескладное изданіе памяти о
Х. С. Нахимовѣ. *Изд.*

поводѣ при семъ прешлемъ изданіи помѣ-
спить, вмѣсто предисловія, крапкую, но
болѣе почную біографію Нахимова, то есть
безъ анахронизмовъ, и настоящій характеръ
Сочинителя изображающую.

Акимъ Николаевичъ Нахимовъ, Кандидатъ
Императорскаго Харьковского Универси-
тета и Авторъ издаваемыхъ теперь сочине-
ній, родился Слободской Украинской Губерніи
въ Богодуховскомъ уѣздѣ отъ вѣснаго брака
Поручика Николая Мануйловича Нахимова
съ дворянкою Сербскаго рода изъ фамиліи
Райковичей, а умеръ уже помѣщикомъ Харь-
ковского уѣзда въ той же Губерніи. Преклон-
ность лѣтъ отца и слабое сложеніе матери,
вѣроятно, были причиною, что оба брата,
отъ сего брака рожденные, также не крѣпки
были тѣломъ и не долговѣчны (*). Но это
не мѣшало выпренности духа и силъ даро-

(*) Меньшой братъ покойника одного былъ съ нимъ
сложенія и умеръ отъ той же болѣзни Штабсъ-
Ротмистромъ въ отставкѣ, почти однихъ лѣтъ.

ваній. Сіе наипаче доказалъ собою описываемый нами Авпоръ. Сложеніе его было нервное, въ высочайшей степени удобообразуемое; пасмурная погода и всякое огорченіе поражало его необыкновенно и шло безъ мѣры. Даръ — настоящего Генія. Можно привести этому два свидѣтельства: первое собственноручную его записку, дѣланную имъ о себѣ для бывшаго извѣстнаго Доктора Трофимовскаго и найденную по смерти при разборѣ бумагъ. Въ сей запискѣ говорилъ онъ, что въ 15 лѣтъ онъ уже имѣлъ такое воображеніе, что для него пищи въ семъ мірѣ не было — отъ чего онъ не рѣдко приходилъ въ отчаяніе. Второе, что онъ писывалъ всегда не приготавливаясь, а когда только внутренняя сила его приходила въ соприкосновеніе. Въ это время взоръ его дѣлался необыкновенно сверкающимъ и разноцвѣтнымъ, и въ это-то время онъ изливалъ мгновенно негодованіе свое на пороки и гнусности людей. Природа, особенно, кажепся, влила въ душу его чувство отвращенія ко всему несправедливому

и смѣшному, впечатлѣнія коихъ дѣйствовали на него до изступленія.

Первое начало образованію своему положилъ онъ въ Благородномъ Московскаго Университета Пансіонѣ, гдѣ еще въ юныхъ лѣтахъ замѣчена въ немъ особенная способность и склонность къ упражненіямъ въ Словесности, и нѣкоторыя изъ *опытовъ* его въ ней помѣщены въ изданныхъ тогда Журналахъ. Поступивъ потомъ въ военную службу, именно въ Маріупольской Гусарской полкъ Юнкеромъ, больше изъ обыкновенія, существующаго въ сословіи Россійскаго дворянства, нежели сколько по склонности, не долго въ ней оставался, а вышедши въ отставку тѣмъ же чиномъ, отправился въ С. Петербургъ для опредѣленія къ спашскимъ дѣламъ. Въ сіе-то время испыталъ онъ жребій, каковому нерѣдко подвергаются пылкость и не опытность молодыхъ людей; жребій, доставившій ему случай узнать споль основательно жрецовъ и причетниковъ

какъ онъ самъ выразился, храма *Θемиды*, (*) поселишь въ душѣ къ поступкамъ ихъ омерзѣніе, и когда и дальнѣйшіе опыты въ жизни продолжали увѣрять его въ томъ же, описавъ оныя такими рѣзкими чертами, какими наполнены его сочиненія объ нихъ. Сей случай глубочайшее сдѣлалъ въ немъ впечатлѣніе, и онъ не забылъ въ баснѣ своей *Молодой Орелъ*, въ концѣ которой, въ предосужденіе подобнымъ ему, говоритъ:

„О пылкой юноша! не шоропись въ свѣтъ :

„Чѣмъ пламениѣ ты, тѣмъ больше сыщешь бѣдъ.“

Послѣ споль неудачнаго вступленія въ свѣтъ по гражданской службѣ, которую и долженъ онъ былъ оставить, возвращеніе его изъ Сполицы въ домъ послѣдовало почто почти въ самое время открытія Университета въ Харьковѣ. Сколько любовь къ познаніямъ и удобность пріобрѣсти оныя въ семъ мѣстѣ, сполько не меньше справедли-

(*) Смори описаніе путешествія *Θемиды*, или сказаніе о *Θемидѣ*.

вое желаніе существовать морально—внесли имя его въ списокъ своекошпныхъ Спудентовъ. Обладавъ уже основательно языками Нѣмецкимъ, Французскимъ и Англійскимъ, равно и теоріею Словесныхъ наукъ, въ продолженіе прехгодичнаго съ половиною курса, онъ преимущественно знакомился съ Греческими и Латинскими классиками, для чего даже бралъ уроки паршикулярно, и практическою Словесностію. Оканчивается курсъ, цѣль достигнута, ревность и успѣхи въ наукахъ получающъ должное воздаяніе—сепенъ Кандидаша; время полученія диплома на сіе достоинство было пою торжественною минутою, въ которую онъ воскликнулъ: „Се изъ ничтожества внезапно извлеченъ!“ (*) Ключъ же выразумѣнія сего восторга въ предыдущихъ спровахъ находится.

По споль опличномъ окончаніи учебнаго, шакъ сказать, карьера въ Іюнѣ 1808 года, мысль объ устроеніи себя на будущее время заняла нашего Автора. Почему опправившись

(*) Смори стихи на Кандидашское достоинство.

въ деревню, родителемъ ему въ наслѣдство назначенную, принялъ ее подъ надзоръ свой, спараясь между шѣмъ пріискать себѣ достойную подругу жизни. Вскорѣ Промыслъ указалъ ему таковую (*) по сердцу, въ сосѣдствѣ, съ коею и вступилъ онъ въ супружество въ Генварѣ 1810 года. Въ сіе-то время оспавлялъ онъ не мирные лѣса (**) (ибо деревня его лежила больше въ степныхъ мѣстахъ), а мирный кровъ свой и семейныя удовольствія, для преподаванія Словесности въ курсѣ, для гражданскихъ чиновниковъ, учрежденномъ при Харьковскомъ Университетѣ. Будучи попомъ убѣждаемъ домашними обстоятельствомъ и неудобностію поѣздки, для одной лекціи въ недѣлю, почти за пятьдесятъ верстъ, и не докончивши, оставилъ оный въ половинѣ 1811 года. Около сего времени начали ему встрѣчаться, одно

(*) Въ фамиліи дворянъ Бежановыхъ.

(**) Смори. Память. М. стран. 23.

за другимъ, родспвенныя и семейныя огорченія, сильно подѣйствовавшія на соспояніе его здоровья и самой жизни. Вдругъ лишается онъ любимой сеспры, попомъ погребаеиъ почтеннаго родителя; возвращается въ домъ и находитъ единспвенную опраду свою — единспвеннаго сына — первенца при послѣднемъ издыханіи. Смерть, не пощадившая сего малюшку, поразила гореспію опца его до такой степени, что съ сей поры справедливо полагаиъ надобно начало и собспвенной его кончины. Хоия всеблагому Промыслу угодно было вскорѣ утѣишиъ его рожденіемъ дочери, и попомъ другой; но прежнее здоровье его никогда уже не возстановлялось. Наконецъ усиливающаяся слабосиъ довела его до чахотной лихорадки (*) (febris hectica), опъ коей онъ и скончался на 33 году своего возраста Іюня 17, 1815 года. (**)

(*) Памяиъ М. снран. 31.

(**) Надъ гробомъ его учрежденъ престолъ во имя

С. Іоанима и Анны почтенною вдовою покойника.

Здѣсь по порядку слѣдовало бы сказать нѣчто о наружности Нахимова; но поелику онъ самъ себя лучшимъ образомъ изобразилъ въ слѣдующей ниже сего піесѣ къ самому себѣ, то я и умолчу объ ней. Не лзя однакожь оставивъ безъ всякаго замѣчанія тѣ мѣста изъ *Памяти* Г. М., въ коихъ онъ говоритъ о коспюмѣ, образѣ жизни, добродѣтеляхъ и недоспапкѣ Нахимова (*). По всему видно, что Г. Сочинитель *Памяти*, выпавивши единожды Героя своего съ какою-то оригинальною скромностію—и во всемъ, приписавши оную спранныспямъ, коими онъ изобиловалъ (стр. 22), былъ уже въ необходимости выдержать себя и наполнить означенныя спраницы спранныспями до такой степени! Почести сказать онъ слишкомъ выисканы и увеличены. Это правда, что Нахимовъ не принадлежалъ къ числу щёголей (пешиметровъ), коихъ осмѣивалъ, но одѣвался всегда опрятно и прилично; въ худую же погоду, во время дождя, прохаживался

(*) Отъ стран. 32 до 36й.

(спран. 33) въ одномъ новомъ фракѣ вовсе не могъ пошому, что здоровье его не позволяло, и онъ вообще любилъ купаться; жилъ также соопвѣшпвенно своему роду и доспашку, занимая всегда при или два чистыхъ и свѣш-
 лыхъ покоевъ (шамъ же), а послѣ и весь домъ, имѣя припомъ доспапочную прислугу; поже надобно сказать о зашворѣ оконъ и дверей, свѣчѣ среди дня при дѣйспвіи піишическаго воспорга. (шамъ же). Однимъ словомъ, бывши ему поварищемъ и пріятелемъ съ начала до конца курса по Университету, я не замѣшилъ подобныхъ въ немъ постоянныхъ оригинальностей, коимъ случайности — имѣя свое исключеніе, — всегда прошивополагаются. Самое благоразуміе великъ сюда причислишь всё сказанное Г. М. о Нахимовѣ, равно и фризозый верблюжьяго цвѣту серпукъ, карпузъ особеннаго покроя и суковашую палку (спр. 32). Скажемъ нѣчто и о скромности, справедливо М. замѣченной, но только и она не была единспвенною; а то вовсе несправедливо, будто бы она происходила отъ спранностей.

Источникомъ оной было честное, которое у Нахимова; *si licet parva componere magnis*, было, такъ сказать, Суворовское. А кто дерзнетъ подумать даже, что скромность сего бессмертнаго Героя происходила отъ странностей? Всякой, окомъ любознательнымъ взглянувши на Сочиненія Нахимова, не посмѣется моему сравненію; и разнородные геніи въ одномъ чемъ либо могутъ встрѣтиться. Наконецъ должно бы сказать здѣсь что либо какъ о добродѣтеляхъ, такъ и недоспѣшкахъ описываемаго; но я оставляю сіе: и пѣмъ и другимъ достойную цѣну воздасть можетъ одно только правосудіе Божіе; намъ же смертнымъ долгъ великъ слѣдовать первымъ и прощать послѣдніе. Въ заключеніи сего жизнеописанія Издапель Нахимова долгомъ пославляетъ указать нѣкоторыя анахронизмы Г. М. относительно его сочиненій сдѣланные, и отвѣчать на скромныя его замѣчанія: 1) на неправильное раздѣленіе оныхъ при изданіи, и 2) на непомѣщеніе нѣкоторыхъ. Касательно перваго довольно ска-

зашь, что еще при первомъ изданіи ясно
 означено было время, когда нашъ Авторъ
 большую часть написалъ—это пребываніе
 его въ Университетѣ; почему ошибочно Г.
 М. отнесъ означенныя (*Пам. на спран. 28*)
 сочиненія къ позднѣйшему времени, и осо-
 бенно разсужденіе о словесныхъ обезьянахъ
 къ 1812 году: оное написано еще въ 1807 году,
 что доказываеиъся подлинникомъ его руки—
 и тогда уже духъ Нахимова предвидѣлъ
 участь сихъ словесныхъ животныхъ! Далѣе
 —что я помѣспилъ и въ первомъ и во второмъ
 изданіяхъ—*зѣбринецъ* въ разрядѣ Сатириче-
 скихъ сочиненій, а не въ число Басень. Въ семъ
 послѣдовалъ я распредѣленію самаго Сочини-
 теля, еще при жизни имъ сдѣланному, по коему
 вообще первое изданіе и напечатано. Мысль,
 что Сочинитель не меньше меня и самаго Г.
 М. разумѣлъ роды, или классификацію сочи-
 неній, совершенно убѣдила меня не дѣлать
 въ томъ никакой опмѣны. Наконецъ Г. Со-
 чинитель *Памяти*, попѣнявъ мнѣ за то, по-
 чему я наровнѣ съ *Мерзилкинымъ* не поста-

вилъ похвалы гроху и стиховъ рожку, хошя самъ же и оправдываетъ меня коропенькимъ разсужденіемъ о выборѣ предметовъ. Одна-кожь я позволю себѣ замѣшпть, что упрекъ сдѣланъ мнѣ неосмопришельно, то есть, не вникнувши въ содержаніе *Мерзилкина*, которое весьма хорошо указываетъ на гибельное слѣпошспвованіе, съ какимъ препоручалось нѣкогда воспитаніе Пурсоньякамъ, ядоносныя коихъ наспавленія породили не одного Мерзилкина. Спашься можетъ, что и сіе прешье изданіе покажется Г. М. не во всемъ полнымъ, ибо не всѣ сочиненія помѣщены и нѣтъ онымъ разборовъ. Въ опивѣтъ на сіе скажу, что первые не всѣ помѣщены бытъ могутъ, а послѣдніе признаются вовсе не нужными.

Д. Б.

КЪ САМОМУ СЕБѢ.

Прешанъ Нахимовъ злобу свѣща
И жребій свой ты проклинашь;
Послушай моего совѣща,
И ты забудешь тосковать.

Судьба тебѣ опредѣлила
Въ семъ мірѣ нѣсколько пожить;
По милости своей рѣшила
Тебя въ число людей вмѣстить.

Такъ сдѣлалось, какъ ей угодно:
Ты чувствуешь, что ты живешь;
Летаешь мыслями свободно,
Спишь и ходишь, ѣшь и пьешь.

Чегожь, безумный, ты желаешь,
И жребій свой за что клянешь;
Тоскуешь, бѣсишься, мечтаешь,
Съ досады волосы дерешь? —

Тогожь, что жизнь твоя не вѣчна,
Что будешь ты ничто — оляшь;
Что дни твои такъ скоропечны,
Всегда что долженъ смерти ждешь;

Чшо ты не созданъ Исполиномъ, (*)
 Вольшеръ какого описалъ;
 Или Аммона (**) славнымъ сыномъ,
 Предъ коимъ свѣтъ весь шепеталъ.

Сокровищъ Креза не стяжаешь,
 Не столь премудръ, какъ Соломонъ,
 Не такъ красно мысли выражаешь,
 Какъ Демосѳенъ иль Цицеронъ;

Не можешь такъ играть на лирѣ,
 Какъ славный Тимоѳей (***) игралъ,
 И дерзосно паришь въ эфирѣ,
 Какъ нѣкогда парилъ Дедалъ (****);

Прелесшнаго Альцибіада
 Чшо ты не одаренъ красой,
 И милой Нимфы нѣжна взгляда
 Плѣнишь не можешь ты собой.

Не знаешь свѣтска обращенья:
 Задумчивъ, медленъ, нелюдимъ;
 Не любишь шумнаго веселья:
 Суровымъ кажешься и злымъ;

(*) Мекромегасъ.

(**) Такъ называли Ливійскаго Юпитера. Александръ Македонскій наименовалъ себя его сыномъ.

(***) Милешянинъ, музыкальный стихотворецъ, процвѣтавшій около 340 года до Рожд. Хр. при Александрѣ Великомъ.

(****) Извѣстный Аѳинскій художникъ, спроеившій Лабиринтъ въ Криѣ, въ которой и былъ посаженъ первой вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Икаромъ, но откуда спасся приклѣбивши крылья къ своимъ и его плечамъ.

Что ты совсемъ почти нѣмѣешь,
 Какъ должно съ дамой говорить
 Подсѣсть подъ бокъ ты къ ней не смѣешь,
 Не можешь въ модномъ свѣтѣ жить.

Не то ли духъ твой возмущаетъ,
 И не даетъ покойно спать;
 Тебя не то ли заставляешь
 Всегда на жребій свой ропсать?

Или о будущемъ мечтаешь,
 Въ немъ бѣдствія грозящи зришь,
 И ихъ всечасно ожидая,
 Чрезъ то себя несчастнымъ чистишь.

Оставь мечту сію нелѣпу
 И впредь пустаго не желай;
 Пресмань въ шоску вдавайся слѣпо,
 Печали мнимы презирай.

Судьба, иль Божье провидѣнье
 Тебя желало произвестъ
 Не для того, чтобъ лишь мученье
 Тебѣ въ семъ мірѣ перенестъ.

Оно премудро, совершенно,
 Ты въ томъ увѣренъ долженъ быть;
 Законъ его всенепремѣнной,
 Чтобъ шварямъ всѣмъ благошворишь.

Но слабый смертный не измѣришь
 Пушей невидимыхъ Его;
 Колеблешься, вопишь, не вѣришь,
 Трепещешь часто отъ всего.

За шѣмь-шо долженъ ты рѣшишься,
 Чшобъ впредь великодушнѣй бышь,
 И что съ тобою ни случится,
 Съ терпѣньемъ все переносишь.

Отъ мнимаго добра прямое
 Всегда старайся отличать,
 Чшобъ привидѣніе пустое
 За щастіе не почиашь.

Люби всемъ сердцемъ добродѣтель
 И мнѣніемъ не вѣрь людскимъ;
 Пусть совѣсть будешь лишь свидѣтель
 И мыслямъ и дѣламъ твоимъ.

Досстигнувъ мудрости старайся,
 Себя наиболѣе познай;
 Душею къ Богу прилѣпляйся
 И къ ближнему любовь пишай.

Гнушайся глупымъ суевѣрьемъ,
 Нелѣпы бредни презирай;
 Не пышностью, но просвѣщенъемъ
 Себя отъ черни отличай.

Бѣги прихворства и обмана;
 Боярамъ знашнымъ ты не льсти:
 Въ различныхъ орденахъ болвана
 Болваномъ, а не богомъ чти.

Хошь лесьюю то себѣ доставишь,
 Чшо будешь въ ленѣ и съ крестомъ;
 Но щасливъ ты чрезъ то не станешь,
 Коль щасья нѣтъ въ тебѣ самомъ.

Лишь прямо шовъ блаженъ, кто чесненъ,
Находитъ сладость кто въ добрѣ:
Хоть въ мірѣ онъ не шакъ извѣстенъ,
Но онъ спокоенъ самъ въ себѣ.

Для добраго нѣтъ бѣдства въ свѣтѣ,
Оно злодѣямъ лишь грозитъ:
Такъ Богъ сказалъ въ своемъ завѣтѣ,
И шакъ намъ здравый умъ гласитъ.

Хоть смертныхъ часто обольщаетъ
Богатство, слава, красота;
Но все то гибнетъ, исчезаетъ,
Какъ будто пыль, или мечта.

Одно добро лишь неизмѣнно:
Его источникъ есть самъ Богъ!—
Когдабъ всегда ты несомнѣнно
Въ сихъ мысляхъ пребывать возмогъ:

Тогдабъ ты щастьемъ наслаждался
Средь самыхъ гореснѣйшихъ дней,
И смѣло къ цѣли приближался
Сей жизни временной своей.

Того смерть только устрашаетъ
Злодѣйства кто всегда творитъ!
Прошедшее его терзаетъ,
Оспрады въ будущемъ не зритъ.

Взгляни на злобнаго Нерона,
Какъ умиралъ ужасно онъ;
Сравни Сократа, Фокіона:
Кончина ихъ . . . пріятный сонъ.—

О семѣ Нахимовѣ ты прилѣжно
Всегда какъ станешь размышлять,
То будешь мирно, безмятежно
Свою ты жизнь препровождашь.

Хотя бы землю съ твердью всею
Грозилъ бездна поглотить,
Но мужа праваго душею
Ни что, ни что не устрашитъ (*).

(*) Найдено написанное на печатной книгѣ послѣ
первыхъ двухъ изданій при разборѣ библіотеки
Сочинителя.

1.

САТИРИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РОССІЙСКОЙ ГРАММАТИКЪ (*).

Блаженъ, кто въ жизни сей съ указкой межъ пер-
стовъ,
Прошедъ сквозь юсѣ и кси, достигнулъ до складовъ,
И шамо въ бра и дра прилѣжно углублялся;
Чей умъ во чтеніи довольно подвизался,
И наконецъ, явя въ писаніи успѣхъ,
Россійской грамошѣ взошелъ на самый верхъ.
Какъ уголь отъ золы, такъ отъ невѣждъ ошличенъ,
Кто рисовать азы способенъ и привыченъ:
Почтенъ отъ всѣхъ такой премудрый человѣкъ,
И передъ нимъ ничто кузнецъ и дровосѣкъ. —
Въ Россіи изстари ведущая грамошѣи,
Преборзые писцы, прехишры крючокѣи,
Которыхъ дивная, пернашая рука,
Какъ лошадь почтова поспѣшна и прышка.
Реченныя руки подъ гибкими перстами
Плодятся лишеры съ различными хвостами.
Писать — велика вещь, досшойная шрудовъ;
Но лѣзаль безъ горести взирашь на шѣхъ писцовъ,
Которы пишушъ такъ проворно, крючковашо,
Да только безъ пуши, не ясно, длинновашо?
Тарабарщина плодъ ихъ жалнаго пера! —
Подобно до временъ Великаго Петра

(*) Чишанное Сочинишелемъ при началѣ курса Слѣ-
весности для Гражданскихъ Чиновниковъ.

Изъ лыкъ сандаліи Чухонцы соплешали,
 Однако же они искусства въ томъ не знали;
 Но лишь Монархъ на нихъ вниманье обратилъ,
 Чухонской лапоть вдругъ видъ новой получилъ. (а)
 Россійской Грамотѣ полезно то и нужно,
 Чшобъ жить съ Грамматицой всегда въ связи и
 дружно.

Являющъ опыты, что безъ науки сей
 Калѣна, иль слѣпецъ несчастный грамотѣй! (б)
 Искусно съ глазъ его бѣльмо она снимаетъ;
 О чудо! грамотникъ внезапно прозираетъ;
 Какъ солнце Азбука тогда предъ нимъ блеснитъ.
 Не вѣря самъ себѣ, онъ съ изумленьемъ зритъ
 Разнообразныхъ словъ начало, родъ и свойство,
 Прѣмны дивныя и чудное устройство!
 Прозрѣвшій грамотѣй не ощупью идетъ,
 Въ писаніяхъ его тарабарщины нѣтъ;
 И слава громкая повсюду возвѣщаетъ:
 „Такого-то писца ужъ всякой понимаетъ!“

(а) См. сказаніе о *Петрѣ Великомъ* Якова Шшелина.
 (б) Тупа Орашорія, косноязычна Поэзія, неосновательна Философія, непріятна Исторія, сомнительна Юриспруденція безъ Грамматики. — *Ломоносовъ*.

ЭЛЕГИЯ.

Восплачь Канцеляристъ, Повышчикъ, Секретарь,
 Надсмощникъ возрыдай и вся приказна шварь!
 Ланишы въ горести чернилами наприше
 И въ перси перьями другъ друга поразише:
 О сколь вы за грѣхи наказаны судьбой!
 Зрящъ шучу страшную палашы надъ собой,
 Которой молнія грозитъ вамъ просвѣщенъемъ,
 И акциденцій всѣхъ и ябѣдъ истребленъемъ.
 Какъ древо сокрушенъ падешъ подъячихъ родъ;
 Увы! насталь для васъ шеперь плачевный годъ!
 Какія времена! должны вы слушать курсы,
 Судебныя мѣста всѣ превращаясь въ Бурсы.
 Ахъ! естли бы воскресъ одинъ хощъ Думной Дьякъ
 И съ челобитною явасъ предъ Царскій зракъ,
 Чѣмъ заслужили гиѣвъ мои, воскликнулъ, внуки,
 Чшо посылаюшся къ нимъ палачи науки?
 Ты хочешь, чшобъ отъ ихъ немилосердыхъ рукъ,
 Разправилсѣ, или переломилсѣ крюкъ.
 О солнце! не лишай ты филиновъ зашмѣнья!
 Да крюкъ пребудешъ крюкъ по силѣ Уложенъя!
 Но чшо! гдѣ Дьякъ и гдѣ прошеніе къ Царю?
 Бѣда Коллежскому шеперь Секретарю.
 О чинъ Ассесорскій, шoliko вожделѣбный!
 Ты убѣгаешь днесъ, когда я восхищенный
 Мнилъ обнимаешь тебя, какъ друга, какъ алшынъ;
 Бышь можешъ — на всегда прости любезный чинъ.

Сколь тяжко для меня, сшепенна чловѣка,
Учишься начинашь, проживши ужъ полвѣка.
Какія каверзы, какое зло для насъ
О просвѣщеніи гласящій намъ Указъ!
Друзья! пока еще не свѣшло въ нашемъ мірѣ,
Насчетъ просишелей пойдемъ гулять въ шракширѣ;
Съ ошчаянья начнемъ какъ можно больше драшь:
Свѣтъ близокъ—должно ли ворамъ теперь дремать?

ЗВѢРИНЕЦЪ.

Ученый Усбурбумъ недавно отыскалъ
 Предревній манускриптъ на языкѣ Еврейскомъ,
 И въ ономъ начишалъ,
 Чшо при Царѣ Халдейскомъ,
 Не знаешъ точно при какомъ,
 Жилъ былъ Халдей Салваназарадомъ. —
 Не столь о языкѣ Французскомъ мы радѣемъ,
 Какъ къ скошскому онъ прилѣжалъ
 И такъ въ немъ успѣвалъ,
 Чшоговорилъ съ Осломъ, какъ будто бы съ Халдеемъ.
 Кто гдѣ, а нашъ мудрецъ все со звѣрьми:
 Съ скошами для него жишь лучше, чѣмъ съ людьми.
 Лишь только разсвѣшешъ, ужъ онъ спѣшишь въ
 звѣринецъ
 И звѣрю наждому несешъ съ собой гостинецъ:
 Иному сѣна пукъ, другому мяса кусъ.
 Вспрѣчаютъ всѣ его; и Заецъ шумъ не шрусъ;
 Къ Халдею Левъ, Тигръ даже льсшился!
 Одинъ Осёлъ косишся:
 Не хочешъ раздѣлишся
 Съ Козломъ гостинцемъ пополамъ:
 Меня равняшь козламъ!
 Нѣтъ, братъ, хошь я шеперьжую праву съ скошами,
 Но прежде съ господами
 Я кушалъ за однимъ столомъ:
 Былъ въ жизни человѣкъ, по смерти сшалъ Осломъ!
 Я Шляхшичъ Гургаридрасъ: не смѣй шушишь
 со мною,
 Иль формою суда развѣдаюсъ съ тобою! —

Какъ жалко мнѣ, вскричалъ съ насмѣшкою Халдей,
 Что прежде не имѣлъ ты длинныхъ сихъ ушей.
 Для Шляхшича онѣ великая прикраса;

Знавалъ я Гурнгарндраса;
 Всѣмъ шакашь, всѣхъ лизаешь,
 Спину предъ всякимъ изгибаешь,
 Его то было дѣло:

Кто подлѣ, на щастье тошѣ всегда надѣйся смѣло!

Халдѣевъ сей отвѣшъ понравился Козлу,
 Онъ гордо подошедъ къ Ослу,

Такъ заблеялъ, шряся во гнѣвѣ бороною:

Мнѣ низко говорить со Шляхшою такою:

Я прежде былъ Паша, тошѣ дивный Беккок-
 носъ,

Чей въ свѣтѣ славился огромностію носъ.

Въ Сералѣцѣлый вѣкъ, какъ въ маслѣ сырѣ кашался,
 И съ Хрюхряхрюсомъ лишь въ богатствѣ не
 равнялся.

—Да, хрюкнулъ Боровъ вдругъ, имѣлъ я съ миліонъ!

—А пользы отъ того? спросилъ сердито Слонъ.

—Та польза, что всегда я былъ ужасно шученъ!

—Да сшалъ ли чрезъ тебя другой благополученъ?

—Не много, Слонъ, теперь найдешь глупцовъ
 такихъ,

Чтобъ думали и о другихъ:

Свѣтѣ нынѣшній наполненъ мудрецами!

—Кошоры, Слонъ взревѣлъ, зашопавши ногами,

Досшойны бышь, какъ ты, Свиньями!—

Да ты намъ не указъ! прикрикнула Лиса:

Въ наукѣ жишь съ людьми не зналъ ты ни аза,

Хотя великимъ ты Миниспромъ слылъ Хал-
 дейскимъ;—

Вотъ я то мудрецомъ могу почестъся свѣтскимъ.

Ласкаючись ко всѣмъ съ умильнѣйшимъ лицомъ,
 Казалась другомъ всѣмъ и всѣмъ была врагомъ,
 Достоинства людей мѣшками измѣряла,
 Для пользы и Ословъ хвалами осыпала,
 И въ силѣ черезъ то у знашнихъ я была:
 Съ шобою, грубый Слонъ, лишь сладишь не могла!
 Но вашей брашні не много вѣдь въ Столицѣ,
 Такъ нечего о васъ забоишься Лисицѣ. —

Халдей,

Мохнатыхъ слушая людей,

Дивился —

И порознь наждаго онъ распросить рѣшился,
 Въ какомъ нто званіи при жизни сосшоялъ?

Я былъ Судья, Медвѣдь сказалъ,

И кожу не одну съ невинности содралъ!

Я назывался Ворворворомъ. —

И ты былъ не Судьей, а сущимъ живодѣромъ!

Рычалъ великодушный Левъ,

Сверкая взорами, разинувъ спрашный зѣвъ. —

— Я прошесшуюся! вскричала Россомаха:

Смотрише! судія смердишь уже отъ спраха;

Посшупкомъ сицевымъ обижена и я,

Понеже въ должности была Секретаря;

Левъ будешь подъ судомъ по моему прошенью,

И карачунъ дадимъ всему его имѣнью! —

— А ты Волкъ, чѣмъ служилъ?

Халдей у Бирюка спросилъ.

— Я шожъ, какъ и Медвѣдь, присяжный ножъ
 сдиратель —

Въ Палатѣ Предсѣдатель.

— А ты, Барсукъ?

— Я также былъ приказный крюкъ;

Но не лупилъ людей, какъ будшо бы скошину,

А скромно продавалъ законы по алшыну! —

Ну! ты, Олень, скажи, кто прежде былъ шаковъ?

—Я былъ охотникъ Люблюпсовъ:

Въ отбѣзжемъ полѣ машъ когда звѣрей шправила,
Верхомъ меня родила;

И мой отецъ охоту такъ любилъ,

Что въ псарнѣ съ гончими и спалъ, и ѣлъ, и пилъ.

Я также, будучи ихъ одаренъ геройствомъ,

Не славѣ жертвовалъ, но дичинѣ спокійствомъ!

—А ваша честь, кто вы, Суронъ?

—Разбойничекъ, то есть, каршежный я игрокъ!

Тузомъ и двойкою я нажилъ капишалецъ!

—А ты, слѣпой красавецъ,

Кто ты угрюмый Крошъ?

—Я всё: законникъ, волхвъ, философъ, звѣздочётъ,

И словомъ: въ формѣ я ученый первоклассный!

Всѣ мыши и крошкы согласны,

Что я былъ чудо-человѣкъ:

Хоть здраво ни о чемъ не мыслилъ весь мой вѣкъ,

Но умеръ, погруженъ премудрости въ пучинѣ;

Въ навозѣ рылся я, въ навозѣ роюсь нынѣ!—

—А ты, почтенный господинъ,

Благочесливый Кошъ, какой имѣлъ ты чинъ?

—Я человѣкъ не свѣтскій, но духовный,

По милости Творца былъ Жрецъ верховный;

Былъ образъ крошости, смиренія примѣръ,

Свящъ духомъ, но при томъ Халдейскій кавалеръ.

Духовную мою прапезу составляло:

Млеко, сыръ, масло, сало.

О снадѣ пекся я по долгу насуховъ,

Но я шерпѣть не могъ Мышей ерешиковъ!

—А ты что скажешь намъ, Баранъ?

—О! я, сударь, изъ столбовыхъ Дворянъ.

На бранномъ поприщѣ искалъ мой предокъ славы,

А я мухъ колошилъ въ деревнѣ для забавы;

Мой предокъ для того безъ сна въ трудахъ потѣлъ,
 Чшобъ послѣ правнучекъ попилъ, поспалъ, поблѣ!
 —Ты выслушай меня, вскричала Обезьяна:

Вотъ я то шварь была преславна
 И много обществу я пользы принесла:

Изрядно кушала, изрядно и пила,
 Ошмѣнно прыгала, кривлялась безподобно,
 Играла дамами, какъ шашками, свободно;
 Щелкала по носу и знашныхъ я господъ,
 Хоть я была ничто, какъ Гаеръ иль уродъ,
 Достойный забавлять на ярмаркахъ народъ.
 Присшойность, правда, сшылъ всегда мнѣ были
 чужды,

Въ религіи совсѣмъ я не имѣла нужды,
 И будучи во всемъ глупѣ Лошака,
 Я принимала видъ большого знашока;
 Въ искусствѣ льстишь слыла великой масшерицей,
 Въ обманахъ, въ хитросшяхъ поспорилабъ съ
 Лисицей;

На счетъ другихъ жила пріянно, безъ заботъ,
 И словомъ: я была скошина à la mode.—

—Ну! ты, Хомякъ, скажи, ты что былъ за дѣшина?

—Ахъ! государь, я былъ торговой мужичина.

Товаромъ мѣлочнымъ сперва я началъ шорть.

Сшылъ, правда, совѣсть, Богъ—

На чисты денежки все эшо продавалось:

Иной день разъ пять сошъ божишься мнѣ случалось!

Когда же нажилъ я изрядный напишалъ,

То такъ богобоязливъ сшалъ,

Что лишь по старой я привычкѣ плутовалъ:

За доброе, подъ часъ, я продавалъ гнилое,

И бралъ не болѣе какъ впящери иль вшрое.

Аршинъ и ножницы, вѣсы, рука и взоръ,

Зубъ каждый у купца и даже лавка—воръ!

Не долженъ поупщикъ опнюдь обверши въришь,
Гошова и она обвѣсись и обмѣришь!—

Молчи, подлецъ, вскричалъ Салваназарадомъ,
Ты счасшливъ, сдѣлавшись по смерши Хомякомъ!
Услышь меня, услышь всезиздущая сила!

„О еслибъ ты законъ такой посшановила,
„Чшобъ всякой человѣкъ: судья, или купецъ,
„Попъ, воинъ, дворянинъ, ученый и кузнецъ,
„Забывшій совѣсть, сшылъ, законъ, Монарха, Бога,
„Передъ зеркаломъ ли, средъ Царскаголь чертога,
„Иль въ домъ собственномъ пируя за сшоломъ,
„Ко удивленью всѣхъ сшалъ волкомъ иль осломъ:
„Примѣрыбъ шаковы безумцевъ устрашили,
„И смершныя себя и Богабъ больше чшили.—

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПУРСОНІАДЫ.

Изъ первой Пѣсни.

1.

Помилуй ты меня, о Фебъ, Парнасскій богъ!
 Кого велишь ты пѣшь, внушая мнѣ восторгъ?
 Ахъ! сжался надо мной чувствительная Муза!
 Могу ли я хвалишь шоль дивнаго Француза,
 Каковъ былъ нѣкогда преславный Пурсоньякъ:
 Въ Парижѣ продавалъ на рынкѣ онъ шабакъ,
 Герой былъ въ кабакахъ, и первый жрецъ въ
 харчевняхъ;
 Шумѣлъ на площадяхъ, смирялся онъ въ деревняхъ,
 Гдѣ часто спранствовавъ для чорсшваго куска;
 Гдѣ блѣдная его, голодная рука,
 Тряся кошомкою, прохожихъ умоляла,
 И съ жадностію хлѣбъ насущный принимала!
 Изъ нищихъ вдругъ пошомъ попался Пурсоньякъ
 Въ число мошенниковъ, воровъ и забіякъ;
 Пошомъ онъ клейменъ и сосланъ на галеру,
 Но земляковъ своихъ послѣдуя примѣру,
 Чудеснымъ образомъ въ Россію убѣжалъ,
 И ссылочный Французъ какъ солнце возблисталъ.

2.

.

 Возсшалъ Французъ, но ахъ! отъ слабости шагалъ;
 Вошше онъ воздухомъ, какъ манною питался:
 Лишь первый шагъ ногой дрожащею сшупилъ,
 Зефиръ съ насмѣшкою Француза повалилъ;

.

 Внезапно выглянулъ изъ ада Велзевулъ,
 Во всю бѣсовску мочь онъ крикнулъ: караулъ!
 И къ Гладу такъ вѣщалъ: „о подлый забіяка!
 Вотъ до чего довелъ ты славна Пурсоньяка!
 Познай, что сей Французъ мой искреннѣйшій другъ;
 Сшупай къ нему, сшупай скорѣе для услугъ!,,
 Уродливый скелешъ, вооружась клюкою,
 Пустился въ дальній путь съ походною сумою;
 По ребрамъ повязалъ широкій онъ кушакъ
 И пламенный надѣлъ на голову колпакъ;
 Гремишъ онъ на бѣгу изсохшими костями,
 И челюсть искрививъ, гиганшъ стучишъ зубами;
 Траву и дерево и корни и цвѣты
 Теребишъ, гложешъ, жрешъ, глошаешъ все въ пуши.
 „Возможноль! онъ кричишъ: я долженъ бытъ
 слугою,
 „Вотъ какъ ругается царь адскій надо мною!
 „Нѣшъ, Велзевулъ! хошя ты знашный господинъ,
 „Но Голодъ въ пеклѣ шожъ имѣешъ знашный чинъ,
 „И родъ мой швоему ничѣмъ не уступаетъ:
 „Почтенна Смерть меня ошмѣнно уважаетъ;
 „Война сесстра моя, а Нищеша кума,
 „Родная шетка мнѣ сіяшельна Чума,
 „Въ великой дружбѣ я съ ученостью бываю,
 „И часшо чудеса шворишъ ей помогаю.
 „О сколь поругана висока честь моя:
 „Холопомъ буду нынѣ у Санкюлоша я!
 „Хошъ долженъ исполнишъ бѣсовско повелѣнье,
 „Но Сшиксомъ я клянусь пишашъ къ Французамъ
 мщенье.
 „И въ помощь пригласивъ Развратъ, Болѣзнь, Войну,
 „Обрушу гибель всю на горду ихъ главу!—

Безумные враги отечественныхъ щей!
 Не зрю я въ васъ Славянъ, не зрю богатырей:
 Насилу движущся полмершвы ваши трупы!
 Оставьте наконецъ вы соусы и супы;
 Не Галламъ вы должны, но предкамъ подражать:
 Прямою доблестью и пузомъ щеголять.

Изъ второй Пѣсни.

1.

На деньги ужасъ какъ нечисты духи падки;
 Извѣстно, что они всегда любили взяжки;
 Бѣсовской алчности уже я зрю примѣръ:
 Содралъ съ меня алтынъ на привязи Церберъ. —
 Когда съ бумагой въ судъ приходитъ челобитчикъ,
 Кряхтитъ и кашляетъ отъ радости Повышчикъ,
 Облизывается въ восторгъ Секрешарь
 И нюхаетъ табакъ приказна мѣлка шварь.
 Просишель корчится; подьячіе гордятся:
 Змѣею долженъ онъ предъ гадомъ увиваться,
 Проситъ и кланяется, давалъ и обѣщавъ,
 Въ шракширахъ пошчивавъ и дома угощавъ.
 Случилось такъ и мнѣ межъ адскими крюками.
 Чего не дѣлалъ я предъ подлыми чертями!
 Нижайше кланялся, покорнѣйше просилъ:
 Давая деньги имъ, нису опорожнилъ;
 Но недовольны шѣмъ кургузы оплешалы,
 За чѣмъ, кричатъ, за чѣмъ твои карманы малы?
 Насилу я смягчилъ бѣсовскія сердца.
 Ошверзлись врага геенскаго дворца:
 Въ огнь и въ пламени монархъ мнѣ адскій зрится,
 Престолъ его въ дыму, какъ вешчина, копшится;

Покрышы сажею порфира и вѣнецъ;
 Величешво его такъ черно, какъ кузнецъ.
 Отъ роду я не зрѣлъ шоль пакостныя рожи!
 Прекрасны всѣ его минисстры и вельможи,
 Нарядна гвардія, хорошъ придворный шшашъ:
 Съ рогами всякой здѣсь, ...

2.

Просшерла Мода перстѣ — и вдругъ дѣвицы, дамы,
 Какъ вѣдьмы сшали всѣ съ предлинными хвостами;
 Рекла — и волосы нависли на глаза;
 Велишъ — и лысина, гдѣ были волоса;
 Восхощешъ — и всѣ вдругъ дѣвицы обнажашся
 И будушъ голыя, какъ дикія, шаскашся;
 Прикажешъ имъ — и вдругъ одѣнушся въ мѣшки,
 И вмѣсто чепчиковъ носишъ начнушъ горшки;
 Мигнешъ — и шѣ, что нынѣ лепечушъ по Французски,
 Заивакаюшъ въ домахъ, какъ жабы иль лягушки.

3.

Вдругъ жрица земляна преславна обняла,
 И къ Рускимъ модникамъ и модницамъ рекла:
 „Месье! кто радости изъ васъ не ощущаешъ?
 „Еще кладъ мудрости вамъ Небо посылаетъ!
 „Въ Французѣ дивномъ семъ приходишъ къ вамъ
 Сокращъ;
 „Какое щастіе для васъ и вашихъ чадъ!
 „Къ шому же и его нещасно положенье
 „Возбудишъ въ васъ къ нему сердечно сожалѣнье.
 „Французамъ помогать обязанъ Рускій всякъ:
 „Кто мыслишъ иначе, шомъ варваръ и дуракъ.
 „Толико нищіе Французскіе почтенны,
 „Колико бѣдняки Россійскіе презрѣнны.

„Невѣждамъ пособлять вамъ Мода не вели пѣ;
 „Хоть Рускій ранами въ сраженіяхъ покрытъ,
 „И славно прослужа отечеству полѣвка,
 „Въ награду нищій сшалъ и жалосный калѣка;
 „Хоть жизнь боярскую, имѣе защищилъ:
 „Но еслибъ у Бояръ онъ хлѣба попросилъ;
 „Бояре! вамъ велитъ Французско воспишанье
 „Плевать на Руское израненно созданье!
 „Похвальнѣе для васъ Французовъ богащій,
 „Чѣмъ грошемъ Рускаго калѣку одолжитъ.
 „Явите щедрость нынѣ преславу Пурсоньяку! „—
 —Ужасну межъ собой людъ модный сдѣлалъ драку:
 Всякъ хочетъ щедростью другаго превзойти,
 Француза хочетъ всякъ къ себѣ въ домъ отвезти.
 Тотъ говоритъ: жалѣть не буду миліона,
 Такого чшобъ достать себѣ компаніона!
 Иной кричитъ: дѣшей моихъ наставникъ будь!
 Въ годъ тысяча рублей и хлѣба прісша пудъ.
 А прешій такъ брюжжитъ: онъ будетъ править мною
 И всемъ распоряжатъ, и домомъ и женою.
 Не зналъ, что отѣчатъ въ восторгъ Пурсоньякъ.
 Доселѣ мнилъ Французъ, что первый онъ дуракъ;
 Но нынѣ, окруженъ такими чудаками,
 Узрѣлъ, что рангомъ онъ не первый межъ глупцами,
 И наконецъ сказалъ, что мудрость полюбя,
 Намѣренъ посвящать въ учители себя! —
 Просившись съ дьяволомъ, далъ руку Верхолешу
 И въ грязномъ рубищѣ сѣлъ съ гордостью въ карешу.
 Благодаря Гибу, почтенную мадамъ,
 Въ пуши готовился къ учительскимъ трудамъ
 И мыслилъ такъ въ душѣ, отъ смѣха умирая:
 Россія, подлинно, земля предорогая;
 Я чувствую, что здѣсь озолошатъ меня:
 Въ Россіи полубогъ — Парижская свинья!

Р Ъ Д К О С Т И,
КОТОРЫЯ УДАЛОСЬ МНѢ ВИДѢТЬ.

Я видѣлъ, какъ скупецъ мѣшокъ схвативши злата,
На помощь къ ближнему несчастному спѣшилъ,
Съ чувствительной душой обнялъ его, какъ брата,
И слезы горести въ минушу осушилъ.

* * *

Я видѣлъ Дервиша (Турецкой то монахъ),
Который одержалъ побѣду надъ сшрасями:
Сталъ крошкѣ, совѣстенъ, смиренъ, воздерженъ,
благъ,
И грѣшный міръ презрѣлъ не словомъ, но дѣлами.

* * *

Я видѣлъ мудреца, кой истину любилъ:
Она ему всего была дороже въ свѣтѣ,
Въ бесѣдѣ и дѣлахъ ее имѣлъ въ предметѣ:
Онъ жилъ такъ какъ писалъ, и такъ писалъ, какъ
жилъ.

* * *

Я видѣлъ щастія достойнаго любимца—
Прекрасенъ, молодъ онъ, богатырь и знаменъ былъ;
Но въ добродѣтели всю роскошь находилъ:
Забава для него—утѣшить несчастливца.

.....
.....

* * *

Я видѣлъ, какъ одинъ почтенный Секретарь

Оправилъ праваго не взявши ни алтына:

Такъ долгу великъ, онъ мнилъ; мнѣ плашилъ со-
вѣсть, Царь,

И вошъ награда мнѣ безцѣнна и едина.

* * *

Я видѣлъ модника, который для покроя

Терялъ имѣніе и не имѣлъ покоя;

Но вдругъ позналъ, что умъ дороже, чѣмъ кафтанъ,

И выключилъ себя изъ списка обезьянъ.

* * *

Я видѣлъ женщину во цвѣтѣ нѣжныхъ лѣтъ,

Которой вѣхій мужъ прелесненъ — сѣдинами;

Но на челѣ его еще рогу не росшеть:

Она вѣрна ему — о чудо межъ женами!

* * *

Я видѣлъ, какъ одинъ забзжій къ намъ мясникъ

Остался мясникомъ, хоша могъ бытъ учитель:

Родясь во Франціи, Парижскій бывши жишель,

Конечно площадной — Французской зналъ языкъ.

* * *

Я видѣлъ, какъ лжецы неправдой возгнушались,

Зависшники чужимъ блаженствомъ восхищались,

Придворный предъ Царемъ душою не кривилъ,

И сильный слабого не грабилъ, не душилъ.

* * *

Я видѣлъ торжество наукъ, достоинствъ, чести,

Позоръ невѣжества, изгнанье подлой лести,

Во семействахъ шину и щастіе вездѣ:

Я видѣлъ все сіе, и видѣлъ все. . . . во снѣ! —

ЗАБАВНАЯ БЕСѢДА.

„Внемлите горы и лѣса,
„Спремлюсь повѣдать вамъ предивны чудеса. . . .
— Чшобъ ты пропалъ, Риѣмачъ, съ твоими чудесами!
Вскричала Фиркина: ты мучишь всѣхъ сшихами.

Прямой Парнасской ты урокъ!
Насильно риѣмами зажать мнѣ хочешь ротъ. . . .
О чемъ бишь, господа, я рассказать хотѣла?
Да! да—вошь десять дней, какъ я ужъ овдовѣла!
Ну! какъ вамъ нравится печальный мой нарядъ?
Такую вдовушку нельзя не обожать;
Вчера Вершушкину я голову вскружила. . . .

— Убѣй тебя драгунска сила,
Рубакинъ вдругъ какъ конь заржалъ:
Вралиху глупую сквозь строй бы я прогналъ!
Болтаешь о себѣ, да о своихъ нарядахъ,
Ни слова вымолвишь не дашъ о вахш-парадахъ.
Какъ выслулимъ въ разводъ: ну! посмотриблибвы;
Вдругъ станемъ мы во фруншъ, стоимъ всѣ, какъ
шолбы.

— — Ей! ей! я знаю все о сицевомъ парадѣ:
Курьезиѣ у насъ дѣла текутъ въ Палашѣ,
Горшанью хриплою приказный возразилъ:
— Tascendum! грозно мужъ ученый возгласилъ:
Начнемъ бесѣдовать о важныхъ мы предметахъ

О манускриптахъ и комешахъ. . .

— Мнѣ вашихъ никогда не переслушать вракъ,
Примолвилъ весельчакъ:

Когда не глупы вы, то всѣ вы очень сшраниы,
И для меня шѣмъ болѣе забавны,
Что всѣ вы любите вранье —

Лишь не чужое, а свое.

ПОЭТЪ и МАТЕМАТИКЪ.

Поэтъ.

Не въ Спиксаль мрачнымъ берегамъ
 Фантазія меня примчала?
 Тѣнь блѣдна, жалкая предстала
 Испуганнымъ моимъ очамъ!
 Хламидой сальной покровенный,
 На стулѣ призракъ сей торчишь,
 И долу черепъ уклоненный
 Прозрачнымъ колпакомъ покрышь.
 Огромныхъ книгъ предъ нимъ громада,
 Въ пыли повержена, лежишь;
 Онъ съ грифеля не сводишь взгляда
 И онымъ на доскѣ черпишь;
 Черпишь — и рожу искривляешь
 Въ досадѣ будто сей скелешь,
 Колпакъ не рѣдко поправляешь —
 Браня при томъ какой то зетъ! —
 Конечно шерпишь онъ отъ зета,
 И зетъ сей вѣрно адскій духъ;
 Отъ зета блѣденъ онъ и сухъ:
 Спрошу о зетѣ у скелеша.
 Кто ты — прежалка тѣнь — вѣщай,
 Кѣмъ ты на муку осужденна,
 Здѣсь въ стулу кѣмъ ты пригвожденна;
 Не се ли мрачный ада край? —
 Иль здѣсь волшебникъ обихаетъ,
 Тебя обвороживъ, шерзаетъ?
 Иль Фуріи въ тебѣ живутъ,
 Кошорыхъ зетами зовушь?

Ручьями изъ ноздрей текущій
 Табакъ ты прежде обошри,
 Пошомъ мой духъ, въ сомнѣнны сущій,
 Ошвѣшомъ удовлетвори!—

М а т е м а т и к ъ.

Проклятая ты биноміа —
 Ты злобы адской экспонентъ,
 О нуль, исполненъ ядомъ змія!
 Какъ смѣлъ ты поносишь мой зетъ?—
 Всемошнѣй съ иксомъ зетъ вѣщаетъ
 Задачъ непоспимыхъ тѣмъ,
 Природы тайну открываетъ,
 И все покорствуетъ ему.
 Подобно грозному Тишану,
 Зетъ небо присшупомъ беретъ,
 И зету, лаврами вѣнчанну,
 Хвалу вселенна воздаетъ.
 Знай, въ вѣчностъ я на зетѣ бду—
 Я званъ Безсмертіемъ въ обѣду;
 Чрезъ иксъ, чрезъ игрекъ и чрезъ зетъ
 Я прешопшалъ къ Олимпу слѣду.

П о э т ъ.

Хулу скелетъ сей изрыгаетъ!
 Въ умѣ помѣшанъ видно онъ —
 Досадно мнѣ; но пустьъ болтаетъ:
 Не писанъ дуракамъ законъ!—

М а т е м а т и к ъ.

Ты говоришь о мнѣ съ презрѣніемъ;
 Клянусь квадратнымъ уравненіемъ,
 Клянусь, что я тебѣ опмщу:
 Я шучу игрековъ пушу,

Да поразитѣ ты пуще грома—
 Ужасна, сильна аксіома!
 Откуда, дерзкій, ты пришелъ?
 Меня въ отчаянье привелъ;
 Ты помѣшалъ рѣшить задачу;
 Съ досады и со злости плачу!

П о э т ъ.

Пожалуй плачь! а я смѣюсь,
 Угрозъ ни мало не страшусь.
 За зета грудью ты вступился,
 Чего ты на меня озлился?
 Скажи, открой мнѣ наконецъ
 Живой ли ты, или мертвецъ,
 Во снѣ ли бредишь, какъ лунашикъ?

М а т е м а т и к ъ.

Дрожи, о дерзновенна шварь!
 И знай, что азъ есмь чиселъ царь,
 Искусный, славный Машемашикъ.
 На иксахъ мой воздвигнутъ тронъ;
 Его съ почтеньемъ, окружаешь
 Нулей отборныхъ легіонъ.
 Количество меня вѣнчаетъ;
 Съ масштабомъ циркуль—скапешръ мой!
 Ищу я круга квадратуру;
 Послушай, не шути со мной.

П о э т ъ.

Набрелъ я на каррикашуру!
 Забавный для стиховъ предметъ!

М а т е м а т и к ъ.

Что слышу!—Небо! онъ Поэтъ!
 Въ немъ вижу злаго супосшаша,
 Онъ коего свирѣныхъ риѣмъ
 Трепещетъ робкій логарифмъ;
 Онъ бичъ и куба и квадрата!
 Я понимаю всё теперь:
 Парнаскій эшотъ хищный звѣрь
 Саширу хочетъ приготовишь;
 Онъ будетъ въ ней меня злословишь.
 Злодѣй! оставь ты мой чердакъ;
 Я *иксомъ* заряджу колпакъ
 И выспрѣблю, какъ изъ морширы;
 Иль *грифель* сей тебя пронзишь,
 Съ тобою вмѣстѣ исхребитъ
 Презлбный планъ твоей саширы!

П о э т ъ.

Не въ силахъ я владѣть собой!
 Посшой, о чучело! посшой,
 Сшупай съ своими ты нулями.
 Бери съ собою зетъ и иксъ,
 Гдѣ прошекаетъ мушный Сшиксъ,
 Сшупай шуда — живи съ чершями.
 Схвалилъ сынъ Феба за пучокъ
 Царя, количесшвомъ вѣнчанна,
 И, давъ ему одинъ толчокъ,
 Повергъ на землю бездыханна!

МЕРЗИЛИНЪ,

ИЛИ

РУСКІЙ ВЫРОДОКЪ, ПРЕВРАТИВШІЙСЯ ВЪ ОФРАН-
ЦУЖЕННУЮ ГАДИНУ.

Правдининъ! хочешь ты, чшобъ красками живыми
Я смѣлой кистію шотъ гадъ изобразилъ,
Кошорый красошой и прелестьми своими
И жабъ, и черепахъ, и крысъ всѣхъ помрачилъ.
Въ болотѣхъ и въ одномъ, и въ лужахъ, безъ сомнѣнья,
Нѣтъ швари сколько же досшойныя презрѣнья,
И въ адъ молодца такого поискашь,
Кшобъ гнусностью его могъ перещеголять.
Преславна издревле была всегда Россія;
Но какъ же развелись въ ней гадины такія?
Великой машерью моглиль бытъ рождены
Толь безобразные, уродливы сыны?
Не Руская душа, не храбрость въ нихъ геройска,
Душишка мѣлкая и подлость въ нихъ заморска;
Французчина, какъ моль, поѣла весь ихъ мозгъ,
Забытъ къ ошечеству привязанности долгъ!
Не честь ихъ движешь, нѣтъ! ихъ мучитъ то
сердчишки,
Чшобъ свѣтъ зналъ, что они Французскія маршышки.
На что имъ съ предковъ брать похвальнѣйшій
примѣръ?
Французовъ мало ли сорвавшихся съ галеръ?
А какъ прибѣгнутъ шожъ къ Французскимъ и Мам-
зелямъ,
Кошоры свѣтъ прошли шаскаясь по . . . лямъ

ОПИСАНІЕ СЛАВНАГО ПАРИКА.

Парикъ сей рѣдкой, дорогой,
 Имѣешь вѣсу чешверть пуда;
 Онъ сдѣланъ хитрою рукой
 Изъ нѣжныхъ волосковъ верблюда;
 Зашылокъ, брови и виски,
 Большой парикъ сей покрываетъ,
 Какъ печь, плѣшь въ спужу нагрѣваетъ
 И жметъ ее такъ, какъ шиски.
 Придѣланъ къ парикѣ широкій
 Французскій назади пучокъ,
 А на срединѣ превысокій
 И пышный вѣшся *à la coq*.
 Но что еще милѣй и краше
 Всего, о немъ что молвилъ вамъ:
 Огромны пукли въ три ешажа
 Нависнули по сторонамъ!
 Къ шомужъ, напередѣ устроены
 Послѣдней моды лавержетъ:
 Онъ удивленія достоинъ!
 Симъ кончу парика поршретъ.

П Ъ С Н Ъ Л У Ж Ъ.

Пускай иной пошѣя годы,
 Съ надсадой шрубишѣ страшны оды
 Ручьямѣ, озерамѣ и морямѣ:
 Не море, лужу воспѣваю;
 Грязь въ жемчугѣ я преобращаю,
 Ударивъ лиры по струнамѣ.

*

Судебѣ благоугодно волѣ,
 Чшобѣ лужа шы, въ несчастной долѣ,
 Была другихъ всѣхъ ниже водѣ:
 Ручьи насѣ веселяшѣ спруями,
 Моря приводяшѣ въ страхѣ волнами,
 А лужей брезгуешѣ народѣ.

*

Но насѣкомы неисчесны,
 Для гордыхъ взоровъ непримѣшны,
 Зряшѣ въ лужѣ дивный океанѣ,
 И въ подлыхъ жабахъ страшныхъ кишовѣ!
 Чешвероногихъ Сибаришовѣ
 Ты вмѣстѣ ванна и диванѣ.

*

Паши, украшены щетиной,
 Презрѣнною своею шиной
 Не промѣняющся на пухѣ;
 За бархатѣ грязь они щипающѣ
 И въ роскоши такой не чающѣ,
 Чшо ихъ гошовашѣ подѣ обухѣ.

Ни предъ ручьемъ, ни предъ рѣкою
Ты не похвалишься водою;
Но страннику въ несносный жаръ
Вода швоя въ сщепи Ливійской,
Или въ пустынь Аравійской,
Небесный кажется нектаръ.

*

Пространствомъ море пусть гордится,
Шумитъ волнами и спремитъ
Достигнувъ грозной высоты:
Въ обширности неизмѣримой
Однимъ Всесильнымъ обозримою
И море лужа, какъ и ты.

*

Хотябъ на днѣ его лежали
Блещящій бисеръ и кораллы,
Приманчивы для алчныхъ глазъ;
Но чтожъ! предъ мудрыми очами
Сшоль почишаемые нами
Коралъ и бисеръ — та же грязь.

*

Итъ! лужи я не презираю;
Я въ лужѣ пользу обрѣщаю:
Наставникъ лужа для меня,
Чишаетъ мнѣ урокъ прекрасный,
Съ которыми опыты согласны
Сію намъ истину глася:

*

Чей духъ лѣнивый дремлетъ вѣчно,
Въ томъ мысль и чувствіе сердечно
Какъ въ лужѣ мушная вода;
И праздности его въ награду
Пороки въ немъ, подобно гадѣ
Плодятся — множатся всегда!

САРАНЧА.

Народы храбры Африкански,
У насъ зовомы саранчой,
Какъ орды прежнія Ташарски
Спращашъ Украину собой.
Повсюду грабяшъ, разоряюшъ:
Въ ожесточеніи шакомъ
Поля въ минушу поглощаюшъ
Съ пшеницей, рожью и овсомъ. —
И Россъ, Царствъ многихъ покоритель,
Гордыни буйной укрошишь,
Россъ мужество вездѣ явилъ;
Но саранчи не побѣдилъ!
Вошче желаюшъ умудришься,
Надъ ней побѣдой похвалишься,
Чтобъ згинулъ жадный сей злодѣй:
О сколько вымысловъ, зашѣй!
Тамъ въ косы звучно ударяюшъ,
Отвсюду пламенемъ грозашъ,
Тамъ рвы глубокіе копаюшъ,
И въ нихъ врага зарышь хошашъ;
А шамъ, шамъ ловяшъ неводами,
Среди пространныхъ нивъ, полей
Сидящу саранчу сшадами,
Какъ будто въ Волгѣ шерлядей. —
Все щещно! — врагъ все презираешъ.
Комушъ судьба предославляешъ
Воздашъ врагу досшойну мещъ
За оскорбленну Россовъ чещъ? —

Какіе храбрые кащеи
 Толикій подвигъ совершатъ?
 Никшо, какъ Х. Орфеи. —
 Они безъ копьевъ и безъ латъ,
 Вооруженны лишь смычками,
 Кларнетомъ, скрипками, басами,
 Въ кафтанѣ или въ епанчѣ,
 Подсупятъ храбро къ саранчѣ,
 И въ мигъ разставивши пульпешы,
 Оркестромъ полнымъ проскрипятъ —
 И паки, паки повшорятъ
 Симфонію, пошомъ концерты.
 Изчезнетъ саранчи упорство,
 Накажешся ея презорство;
 Къ спасенью ей лишь два пуши:
 Оглохнуть должно, или уйти!

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЬМА ПРІЯТЕЛЯ МОЕГО,
СТРАНСТВУЮЩАГО ВЪ ЧУДЕСНОМЪ ПТИЧЬЕМЪ МІРѢ.

• • • • •
Не знаю почему здѣсь вздумалось Природѣ
Разумныя существа по птичьему одѣть:
Прилично ли уму подѣ перьями пошѣть?
Сей гордый господинѣ, любимый небесами,
Покоишься привыкѣ у насѣ подѣ колпаками!
Не долженѣ ли, скажи, краснѣть безсмертный духѣ,
Когда по плоти онѣ Сычѣ, Филинѣ, иль Пѣшухѣ?—
Но что! . . . не будемѣ мы указывать нашурѣ,
И обѣ умахѣ судишь не станемѣ по фигурѣ:
Разумнѣй, подлинно, иная здѣсь Сова,
Чѣмѣ съ носомѣ Греческимѣ Французска голова!
Великіе умы лешающѣ здѣсь сшадами,
И славны мирными и бранными дѣлами.
Тамѣ храбры Коршуны воздвигли птичей Римѣ,
Когшисшѣ Римляне гроза врагамѣ своимѣ;
Здѣсь хищны замыслы проникнувѣ ястребины,
Вишійсшвующѣ Скворцы за вольность и Аѣины;
Сѣ поклѣпымѣ носомѣ шамѣ наежился Невшонѣ,
И мудросшѣю гордѣсь топѣришѣ крылья онѣ;
Здѣсь Филинѣ — Ришелье, иль Пишѣ глазища
жмуришѣ,
И сшавѣ сѣшѣ Царямѣ, коварну рожу хмуришѣ.
Толики здѣсь умы и доблесши цѣвѣшущѣ;
Однако вѣ мѣрѣ семѣ не Ангелы живущѣ.

Пройдемъ мы всѣ міры, рассмотримъ всѣ народы,
Увидимъ, что вездѣ есть жалкіе уроды!

Вошъ напрімѣръ идѣшъ, надувшись Павлинъ:

При здѣшнемъ онъ дворѣ имѣетъ знашый чинъ;

Такую заслужа высоко Царску милость,

Чрезъ шоль обманчиву наружности красотъ

Гордишься могъ бы онъ сіятельнымъ хвостомъ,

Но нѣшъ! онъ хвастаетъ прескареднымъ умомъ.

А вошъ шестеркою промчалася Ворона,

Имѣя гордый видъ Нѣмецкаго Барона,

И подлинно, еѣ знашѣе въ мірѣ нѣшъ:

Придворнымъ конюхомъ ея былъ славный дѣдъ! —

Ба! вошъ еще Сова нарядная тащѣся:

Возможноль Филину богиней не прельстишься!

Какая вышупка! какой на ней уборъ!

На всѣхъ пылающій она бросаетъ взоръ:

Такія красоты въ Москвѣ, въ Парижѣ рѣдки,

И предъ Совой должны смиришься всѣ кокетки.

Вошъ къ спашѣи и Журавль за модницею въ слѣдъ

На длинныхъ шоль ногахъ въ большой пустился
свѣшъ:

Онъ легче воздуха, непостояннѣй вѣтра,

И ролю важную играетъ пешимешра.

Влюбляешься — долгъ его; повѣсой бышь — законъ;

Занятіе — игра, похожа на босшонъ.

Но вошъ падучею страдаетъ жалкій Кобчикъ.

Ахъ! какъ кобенѣшся сей бѣдненькой господчикъ;

Не Карачунъ ли то съ ланцесами стоишъ?

Нѣшъ! Тешеревъ глухой предъ кобчикомъ пыхтишъ;

И кобчикъ корчишся предъ знашюсѣю глухою,

Въ надеждѣ, можешъ бышь, учтивосѣю такою

Защишу, иль чинокъ, иль мѣсто получишъ,

Чшобъ послѣ Снѣгирей и Воробьевъ душишъ.

Сдирашь безъ жалости съ безсильныхъ пшиченъ
 кожу,
 И наконецъ себя преобразишь въ вельможу! —
 Ну! вошь еще уродъ: — ошипанной Пѣшухъ!
 Повѣса промошалъ и перье все и пухъ;
 Обрили пѣшука пиры, игра и мода,
 И сшалъ безхвостый мошъ посмѣхомъ для народа.
 Тьфу пропасть! и еще двухъ вижу чудаковъ:
 Одинъ задумчивъ, гордъ, и важенъ и суровъ;
 Другой ужасную имбещъ образину.
 О Муза! помоги списашъ сію каршину;
 Сшанъ грозно со щипомъ ты нынѣ предо мной,
 Чшобъ глупость мшишельна не ранила стрѣлой.
 Представъ себѣ, мой другъ, безъ лести и ошважно
 Сіе позорище шоль дивно и шоль страшно,
 Когда Лашынію напыщенный педаншъ,
 Превыше облака свой вознеся шаланшъ,
 Встрѣчается съ другимъ ему прошивной секшы;
 Съ обѣихъ вдругъ сшоронъ сшремаяся аргуменшы:
 Тошъ Аристошелемъ сопернику грозишъ,
 Схвашивши Канша сей, прошивника разишъ;
 Трещашъ софизмами начиненны дилеммы,
 Ревушъ по воздуху огромныя сисшемы,
 Удару слѣдуешъ ужаснѣйшій ударъ,
 Въ герояхъ множишся свирѣпый, бранный жаръ;
 Но оба вдругъ снарядъ логическій теряюшъ
 И кулаками бой за истину рѣшаюшъ;
 Лежашъ расштерзанны на части парики,
 И носяшся власовъ напудренныхъ клоки.
 Но въ пшичьемъ мірѣ нынѣ люшѣйша бишва зришся:
 Педаншы диспушамъ должны здѣсь поучишся.
 Одинъ боецъ — краса Индѣйскихъ пѣшуховъ;
 Другой — честь филиновъ и цвѣтъ всѣхъ мудрецовъ.

Какъ предъ Троиломъ взглядъ сверкалъ Ахилловъ
 звѣрскій,
 Такъ взоромъ филину грозилъ пѣсухъ Индѣйскій;
 Онъ разшопырившись прегордо хвостъ несемъ,
 Вращаясь крыльями описываетъ свѣтъ;
 Синѣетъ рожа вся, трясется носъ мясистый,
 Кричитъ на филина: вы всѣ, всѣ ашейскы!—
 Неистово взглянулъ шумъ филинъ на него:
 О харя синяя! и ты бранишь того,
 Кому въ подсолнечной ученостью нѣтъ равныхъ!
 Ужель ты не чишалъ трудовъ моихъ преславныхъ?
 Пѣсухъ такъ филину изволилъ отвѣчать:
 Какъ смѣешь, рыжій враль, столь гордо помышлять,
 Чтобъ для твоихъ трудовъ хотѣлъ я тратить время:
 Что можешь сочинить совино глупо племя!
 Я въ диссертаціяхъ то ясно доказалъ,
 И въ комментаціяхъ о томъ же толковалъ,
 Что филины, сычи и всѣ прегнусны совы
 Не могутъ никогда быть славны Богословы. —
 Подпрыгнулъ филинъ вдругъ: рогатый философъ
 Съ надушымъ мудрецомъ шерять не хочетъ словъ,
 И съ шумомъ началась межъ пшицъ ученыхъ драка,
 И филинъ и пѣсухъ задорнѣйшій клевака,
 Съ размаху налетѣвъ, крыломъ другъ друга бьютъ,
 И безъ пощады въ зобъ и въ голову клюютъ;
 Съ нихъ перья падаютъ и кровь течетъ ручьями;
 Но филинъ, пользуясь преосстрыми кохшями,
 Кичливаго врага сломилъ, сразилъ, поправилъ,
 И ставши на него, побѣду прокричалъ! —

II.

Б А С Н И.

ЖИВОПИСЕЦЪ.

Былъ живописецъ славный,
 Рафаилу въ искусствѣ равный,
 И очень, очень не дуракъ;
 Но сердцемъ жалкій былъ простакъ:
 Ужъ до того онъ совѣсти держался,
 Что даже знашнымъ льстишь боялся!
 А кто сіе почтешъ за грѣхъ?

Спросите вы у всѣхъ. —

Сей добрый человекъ хотѣлъ себя прославить,
 И чѣмъ же? вздумалъ онъ представить

Пороки всѣ и глупости людей.

Судя по мастерству, онъ сущій чародѣй!
 Нельсшива кисть его что ни изобразила,
 Одушевила.

Картину кончивши, тошчасъ

Онъ выставилъ еѣ народу на показъ;

Но лишь ее узрѣли:

Кокешки обомлѣли,

У плуша волосъ дыбомъ сталъ,

Лжецъ шрепешалъ,

Грызшь ногши началъ скряга,

Грозилъ указами сусяга,

Кобенился предъ живописцомъ франтъ,

И Кашилиною назвалъ его педантъ.

Пылая въ сердцѣ мщеньемъ,

Порочные кричалъ художнику съ презрѣньемъ:

„Ты пасквиль написалъ,

„Чесъ нашу обругалъ;

„Въ картинѣ сей хотѣлъ смѣяться шы надъ нами
— Богъ съ вами!

Художникъ отвѣчалъ:

Я глупость и пороки изобразить желалъ,
А васъ не шрогалъ я, да я васъ и не зналъ:
Уродовъ можно ли вамъ сравнивать съ собою,
Когда красавцы вы душою? —

Но масперъ сей не могъ себя шѣмъ оправдать;
Хошь умные его взялися защищать,

Но ихъ не много было,
И все вишійство ихъ глупцовъ не убѣдило. —
Художникъ ошданъ былъ подъ судъ,
Кошорый сжечь велѣлъ его прекрасный шрудъ.

Такъ будетъ всякому, кто шолько даръ имѣетъ
И льстишь пороку не умѣетъ.

ОРЕЛЬ и СТРѢЛОКЪ.

Нешронъ меня! орель вдругъ крикнулъ на стрѣлка:
Дерзнешъ ли высшрѣлишь по мнѣ швоя рука?

Орловъ и Римляне и Греки уважали,

Священными они насъ признавали! —

То были Римляне! стрѣлокъ Орлу сказалъ,

А нынѣ людъ умѣе сшалъ;

Не очень о швоей забоишься породѣ:

Теперь ужъ не Орлы, а Попугаи въ модѣ.

ЛАСТОЧКА и КОЛОКОЛЪ.

На башнѣ колоколъ висѣлъ,
 И тамъ же ласточка гнѣздилась.
 На колоколъ вдругъ птичка разсердилась:
 Ужъ ты мнѣ уши прозвенѣлъ;
 Въ сосѣдствѣ жить съ тобой моихъ силъ не до-
 станешь. —
 Молчалъ бы, Ласточка, охотно для тебя,
 Но чѣмъ, звонарь меня
 За длинный мой языкъ всегда насильно тянешь.
 А ты, Глупонъ, за чѣмъ ты поднимаешь крикъ;
 Ужели и тебя кто тянетъ за языкъ?

ОТКУПЩИКЪ и ХАРОНЪ.

Узрѣвши тѣнь съ огромнымъ пузомъ,
 Харонъ вдругъ ахнулъ и вскричалъ:
 Боюсь, чѣмъ съ симъ тяжелымъ грузомъ
 И самъ я въ Стиксѣ не пропасть.
 Откуда ты и что такое?
 Скажи дебелая душа;
 Ты видно что-то не простое,
 Ты Кардиналъ или Паша?
 „Ктобъ ни былъ я, но вы не стойте,
 Объ этомъ смѣю васъ просить,
 Ввалишься въ лодку мнѣ позволите,
 Я долженъ въ шаршаръ поспѣшить;

Скажу, спарикъ, вамъ откровенно:
 Хочу прожектъ Плутону дать,
 И я надѣюсь несомнѣнно
 Вашъ перевозъ на откупъ взять.
 Всегда симъ планомъ занимаясь,
 Я въ мірѣ толстѣ, покоенъ былъ;
 Богатства многого лишаясь,
 О томъ при смерти не пужилъ.
 Какіе знатные доходы
 Легко здѣсь можно получаешь:
 Сюда толпяся всѣ народы
 И такъ со всѣхъ мы можемъ драть!
 Бришанцу скажемъ мы и Галлу:
 Намъ чисты деньги отпочти;
 А господину Камчадалу:
 Ясакъ мѣхами заплаши.
 Теперь вы служише безъ плаши,
 Не правда ли? но у меня
 Вы скоро будете богаты
 И столько же почти какъ я;
 Не рубище на васъ дурное,
 Не сей засаленный колпакъ,
 Нѣтъ, будете плащъ дорогое
 И пишь вы станете аракъ.“
 —Харонъ угрюмой, дикой, строгой,
 Смѣкнулъ и въ первый разъ запѣлъ;
 Не мудрено, мужикъ убогой
 Надежду къ щасстью возымѣлъ.
 Онъ жирной шѣни поклонился
 И съ ней какъ можно скоро плылъ;
 Плывя, Юпищеру молился,
 Чтобъ грузъ его онъ сохранилъ.

МОРЕ и РѢКА.

Надулось Море предъ Рѣкою,
 Ревешъ: что значите вы Рѣки предо мною?
 Я съ важностью шеку по безднамъ, по скаламъ
 И съ шумомъ въ ярости спремлюся къ облакамъ...
 — А мы, Рѣка вѣдѣвшъ: не столь шумимъ волнами,
 Но нашими водами
 Пишаеся земля,
 Тучнѣюшъ гордые моря!

ЮПИТЕРЪ и НЕТОПЫРИ.

О просвѣщеніи Юпитера просили
 Нетопыри, хоша во шмѣ щасливо жили.
 Смѣясь Юпитеръ шварямъ симъ,
 Тошчасъ исполнилъ ихъ прошенье:
 Въ жилище мрачное гнилушку бросилъ имъ,
 Сказавъ: Нетопыри! вошъ ваше просвѣщенье.

ЮПИТЕРЪ и ФАВНЪ.

Зевесъ, боговъ царь и ошецъ,
 Въ красошку гордую влюбился;
 Юпитеръ ли не молодецъ?
 Но онъ напрасно волочился. —
 Меркурія къ ней посылалъ
 Съ богатыми Зевесъ дарами,
 И Эскулапа заславлялъ
 Любовь возжечь въ ней порошками.
 Худой успѣхъ они имѣли;
 Амуръ, сердецъ могущій богъ,
 Напрасно также прашилъ стрѣлы.
 Но кто Юпитеру помогъ? —
 Былъ Фавнъ, мохнатая скошина
 И рожу всю имѣлъ въ угряхъ.
 Но Фавнъ танцёръ, и вотъ причина,
 Что принявъ былъ во всѣхъ домахъ.
 По Фавнову Зевесъ совѣшу
 Сшалъ Фавновымъ ученикомъ;
 Чшобъ нравишься любви предмету
 Юпитеръ сдѣлался козломъ.
 Не стало важности въ Зевесѣ:
 Онъ прыгаетъ и ночь и день;
 Вершился вихремъ въ экосесѣ,
 Танцуетъ даже *а ла Рень* (*).
 Красошка скоро полюбила
 Зевеса, свѣтскаго козла,

(*) *Минуетъ а ла Рень.*

И за шерѣвнѣе наградила,
 Чѣмъ бога наградишь могла.
 Юпитеръ Фавна обнимаетъ:
 Познай мохнатый другъ, какъ Зевсъ
 Твою заслугу награждаетъ.
 Твой родъ внесу я до небесъ!
 Пошомки Фавна будутъ славны:
 Всѣ будутъ танцовать учишь;
 Я право вамъ даю, о Фавны!
 Красоткамъ голову кружишь! —

Красотки Фавновъ уважають,
 Въ семъ постояны лишь онѣ;
 Мушкетъ красоты оцѣняють
 Не по уму, но по ногѣ.

ЦВѢТЫ и СОЛНЦЕ.

Цвѣтш, прельстившись своими красотами,
 Смотрѣли гордыми на солнышко глазами;
 Но солнце ошъ цвѣтовъ лишь отвратило взглядъ,
 Исчезла ихъ краса и сладкій ароматъ. —

Что наша мудрость вся, что добродѣтель строга?
 Ничто безъ солнца цвѣтѣ — и мы ничто безъ Бога!

МОЛОДОЙ ОРЕЛЪ.

Не внявъ ошцовскому совѣшу,
Орелъ поднялся со гнѣзда:
Летишъ, летишъ по свѣшу,
И въ слѣдъ за нимъ летишъ бѣда:
Орелъ попался въ сѣщи;
Орломъ играющъ дѣщи;
А чтобы онъ не могъ лешашъ
И крыльями пощечинъ надавашъ,
Любимца Зевсова мальчишки ощипали,
И наконецъ орла индѣйки заклевали.

О быспрый юноша! не шорѡпися въ свѣтѣ:
Чѣмъ пламениѣ ты, тѣмъ больше сыщешь бѣдѣ.

МЪЛЬНИЦА БЕЗЪ МЪЛЬНИКА.

Какъ мѣлешъ мѣльница! — но что? — въ ней пыль
одна,
А хлѣба въ мѣльницѣ не видно ни зерна:
Такъ мѣлешъ пыль она? — —
Вошъ еслибъ мѣльникъ былъ, молошъ бы меньше
сшала,
Но хлѣбъ молола бы; молошъ бы пыль пресшала.

Молодѣ бы меньше Тишѣ и пыли бѣ не пускалѣ,
Когда бы языкомѣ разсудокѣ управлялѣ.

РАЗГОВОРЪ о СОЛОВЬѢ
МЕЖДУ ДРОЗДОМЪ И СОРОКОЮ.

Каковъ же соловей!

Вѣдь вы его, сударыня, видали?

— Видала, башька мой: ужьшо-шо дуралей!

— Такъ видно голосу его вы не слыхали?

Ахъ, какъ поешь! не лъзя его не почишать!

— Еі done! шы соловья чрезчуръ ужъ выхваляешь.

— А шы, мадамъ, за чшо его такъ унижаешь?

— Онъ прыгать не гораздъ, не масшеръ лепешать?

Такъ о досшойнствѣ сороки разсуждаюшь,

И въ эшомъ женщины имъ часшо подражаюшь!

ПАРИКЪ и БОЛВАНЪ,
НА КОТОРОМЪ ЕГО РАЗЧЕСЫВАЮТЪ.

Съ плѣшивой знашности когда парикъ снимали,
То самый сей парикъ болванъ носилъ. —

Ужьшо-шо, чаю, вы сего дня разсуждали?

Болванъ у парика спросилъ:

Вѣдь много, думаю, у знашности разсудка?

— Какъ у шебя, дубоваго ошрубна.

ВОЛЫ и ЛОШАДЬ.

Спросили нѣкогда у Лошади Волы:
За что боярину понравились Ослы?
Вѣдь работашь они намъ мало помогающъ,
Однако больше ихъ и кормящъ и ласкающъ.
— И вы не знаете, конь отвѣчалъ воламъ,
За что такая честь осламъ
И барская не милость къ намъ?
Такъ знайше, брашцы:
Мы Рускіе, ослы же иностранцы! —

СВИНЬИ И ЯГНЕНОКЪ.

Ягненку погуляшъ безъ машери случилось,
И горе страшное бѣдняжкѣ приключилось:
Увязъ въ болошѣ онъ; барахшаяся шамъ,
Блеялъ о помощи къ свиньямъ,
Что въ шинѣ нѣжились, въ Серали какъ Сулшанъ.
Разхрюкалося вдругъ Эпикурейцевъ стадо;
Не помогашъ оно — упреки дѣлашъ радо:

Въ какую ты забрелъ, безстыдникъ, грязь?
Вошъ молодосшъ, увы! къ чему приводишъ васъ!
А еслибъ пожилымъ скошамъ повиновался,
Тогдабъ, молокососъ, въ бѣду ты не попался;
Каковъ ты прежде былъ? — какъ свинка бѣлъ, при-
гожъ;
Теперь же, посмотри, ну, на кого ты схожъ! —
Такъ мудрецы сіи ягненка укоряли;
Но между тѣмъ они того не примѣчали,
Что сами глубже все въ болошѣ погрязали.

Всякъ скажешъ, кто сію (ужъ какова ни есть)
Изволишъ басенку прочесшъ:
Бываюшъ и у насъ насшавники шакіе;
Всѣмъ проповѣдуюшъ, а сами не свяшые.

ПЧЕЛА и ОСА.

Оса Пчелѣ такъ говорила:

Давно во мнѣ ты зависть возбудила.

Нашъ родъ вездѣ гонимъ;

Вашъ родъ вездѣ любимъ,

Хоть также вашего боишься всякой жала,

И лучше насъ еще умѣешь язвить! —

Не спорю, что язвимъ, пчела ей отвѣчала:

Но медъ любя, насъ можноль не любишь?

Пчела — то кришки полезной сочинитель;

Оса — безмозглый шпынь, завистливый хулитель.

МОСЬКА И СОБАКА НА ПРИВЯЗИ.

Ахъ! сжался надо мной, сіяшельная моська!
 Любимцу барскому песъ сшарый говорилъ:
 Весь вѣкъ усердно я на привязи служилъ:
 Смошри, изранена дубиной грудь геройсна;
 Я ужасъ былъ всегда для здѣшнихъ всѣхъ воровъ,
 Я былъ прямой слуга, не избъ числа льсщевовъ.
 Воззри, премудрый мопсѣ, на многія заслуги,
 На дряхлость лѣтъ моихъ, на слабость и недуги;
 Досшавъ въ награду мнѣ, почщенный мой папшонъ,
 Хоть каплю молока. — Да гдѣ такой законъ?
 Съ презрѣньемъ временщикъ рѣчь псову преры-
 ваешъ;
 Нѣтъ! баринъ милостей своихъ не расшочаешъ;
 Послушай! — молоко дается только намъ,
 Придворнымъ господамъ;
 А вы, на привязи герои,
 Довольны будьте шѣмъ, что вамъ даюшъ помои.

ПЫЛЬ и АЛМАЗЪ.

Потерянный алмазъ въ пыли лежалъ,

Алмазомъ пыль пренебрегала.

—Ахъ! какъ ты предо мною малъ,

Она ему сказала:

Съ земли я гордо подымаюсь,

И въ уши и въ глаза прохожему бросаюсь;

Здѣсь знаюшъ всѣ меня: и лапоть и башмакъ!

А ты ... какой бѣднякъ!

Ни кто тебя не примѣчаетъ.

—За пылью? ...вдругъ алмазъ смиренно отвѣ-
чаетъ,

И умъ шамъ не блещишь,

Гдѣ глупость наглая, какъ пыль глаза мрачишь.

ЖЕЛѢЗО и КУЗНЕЦЪ.

Мучишель! къ кузнецу желѣзо вопіяло,

На толь я создано, чтобъ отъ тебя страдало;

Чтобы переносишь ужасный, адскій жаръ;

Чтобъ сильный молоша разилъ меня ударъ?

Терпѣніе! кузнецъ желѣзу отвѣчаетъ:

Минишь страданіе, ты примешь лучшій видъ,

И свѣтъ, что на тебя съ холодностью взираешь,

Полезное въ тебѣ орудіе почишь.

Таковъ сей басни смыслъ, читайшель:

Нашъ возвышаетъ духъ чрезъ бѣдствія Создатель!

НАХОДКА.

Въ ночь лѣтнюю глупецъ примѣшилъ, что блесшилъ;
А что въ шравѣ блесшилъ, о томъ не разсуждаетъ:
Глупцовъ блескъ всякой удивляетъ.—

Безмозглый радъ

И мнитъ, что кладъ

Безцѣнный онъ находитъ,

Къ безцѣнности подходитъ;

Хватаетъ съ жадностью дурацкая рука;

Повѣсилъ носъ глупецъ — нашедши червяка.

Не зная корешко другихъ кто оцѣняетъ,

Глупѣе, чѣмъ дуракъ, тотъ умникъ поступаетъ.

ДУРАКЪ и ДРАГОЦѢННЫЙ КАМЕНЬ.

Не полированный, но очень драгоцѣнный,

Попался камень дураку.

Глупецъ, какъ видно, былъ Минералогъ ошмѣнный,

На камень посмошрѣлъ и зашвырнулъ въ рѣку.

И дарованія цѣнитъ не всякой знаетъ;

Глупецъ не видитъ ихъ, иль видя презираетъ.

БАРЫШНИКЪ.

Осшавя прочія забошы,
 Въ торговлю Клишъ всшупилъ:
 Сшопу бумаги онъ купилъ,
 И собсшвенной рабошы
 Сшихами написалъ;
 Пошомъ о барышѣ великомъ возмечшалъ.
 Но щещно съ риѣмами носился по базару:
 Гуршомъ и въ розницу продашь не могъ товару.
 Ужъ Клишъ и самъ сшопѣ не радъ;
 Пышался въ лавку онъ ошдашь ее назадъ,
 Но лавочникъ небралъ, хошь дѣлалъ Клишъ усшупку.
 На силу въ горесши набрелъ онъ на купца,
 Который взялъ сшопу за рубль у молодца,
 И сшалъ воспламеняшь свою сшихами шрубку.

Иной богачъ,
 Какъ бѣдной сей риѣмачъ,
 Богъ вѣсшь, что зашѣваетъ,
 И наконецъ барышъ такой же получаетъ.

ОСЕЛЪ ВЪ ЩАСТІИ.

Ты помнишь ли осла, волъ лошади сказалъ:

У нашего онъ господина

Навозъ таскалъ;

Но къ удивленію сія скошина

На верхъ величія взошла:

Форшуна по уши влюбилася въ осла!

Навозъ сперва возилъ, а нынѣ возитъ Пану,

И Папскіе льстецы осла цѣлуютъ въ лапу;

Обвѣшенъ золошомъ, осыпанъ жемчугомъ,

Изъ смирной твари онъ сшалъ спрашнымъ гор-
децомъ.—

Да сшалъ ли онъ умиѣй средъ пышности и славы,

Спросила лошадь у вола?

—Сего-то сдѣлашь лишь форшуна не могла.

Перемѣняешъ чесшь вишь не умы, а нравы!

ДАМОНЪ.

Дамонъ имѣлъ не малу честь
 Форшуну зрѣть въ себѣ любимца,
 И у Дамона, у счастливца,
 Не можно даже было счесть
 Родныхъ, друзей горячихъ, страстныхъ,
 Не только кушать съ нимъ, и умереть согласныхъ;
 Но вдругъ форшуною за что то презрѣвъ онъ. —

Осиротѣвъ Дамонъ!

Друзья, которые съ нимъ умереть рѣшились,
 Не видя прибыли, всѣ въ бѣгство обратились.
 Лишь не разсталася собака съ бѣднякомъ,

Являя ласки одинаки.

Дамонъ задумался, и произнесъ пошомъ:
 Увы! друзья мои не стоятъ и собаки.

III.

НАДПИСИ.

СУВОРОВУ.

Мечемъ весь міръ страшилъ иной воитель славной,
 Но самъ предъ щастіемъ невѣрнымъ шрепешалъ;
 Суворовъ — къ колесницѣ бранной
 Съ побѣдой щастье приковалъ.

ПЫШНОМУ МАВЗОЛЕЮ.

Народамъ и вѣкамъ сей мраморъ горделиво
 Вѣщаетъ: здѣсь лежишь временъ краса и диво:
 Свѣшильникъ мудрости, громъ браней и побѣдъ;
 Не смертный, — полубогъ, дрожалъ предъ коимъ
 свѣтъ.
 Со страхомъ проходи, о пушникъ! близъ могилы.—
 Врешь мраморъ! подъ тобой лишь горсть презрѣн-
 ной пыли.

НЕИЗВѢСТНОМУ СОЧИНИТЕЛЮ ПѢСНИ О ПОХОДѢ ИГОРЯ ПРОТИВЪ ПОЛОВЦЕВЪ.

Дьячекъ ли, Дьяконъ шы, Подьячій, или Дьякъ:
 Кшобъ ни былъ шы: Лука, Софронъ или Ермакъ —
 Живи подъ именемъ спранъ Росскихъ Оссіана.
 Но кѣмъ бы назвали мы швоего Баяна?

ЗЛОПРАВУ.

О рокѣ! еще ли я въ бѣдахъ не испытался?

Злонравѣ мнѣ въ дружбѣ извѣстился
И душу мнѣ свою хотѣлъ онъ подарить,
То ешь, чуму привишь!

КЛИТУ.

Равняешь ты меня съ Жилблазомъ;

Но съ кѣмъ же я себя сравню?

Съ Скопцинымъ Тарасомъ? —

Нѣтъ! все еще твой умъ я дорого цѣню.

IV.

ЭПИГРАММЫ.

ПОЛЬСКОМУ КОРОЛЮ ПОПИЛЮ,
КОТОРАГО, КАКЪ ГОВОРИТЬ ЛЬТОПИСЬ, МЫШИ СЪЪЛИ.

О участь жалкая несчастныхъ Королей!
Чего не дѣлаешь надъ ними рокъ нахальной?
Имъ Попиль осужденъ на ужинъ для мышей,
Какъ будто бы Король огарокъ свѣчки сальной!

ТАРАСУ-АВТОРУ.

Тѣфу пропасть! все еще Тарасъ ты сочиняешь:
То ешь: писателей другихъ ты обираешь!
Пора покаяться; ну полно воровать!
Возможноль авторству такъ жертвовать собою:
Ты правъ, что ты рожденъ съ порожней головою,
Но совѣсть погубя, вѣдь будешь ошвѣчать.

КЛИТУ.

Клишъ мною огорченъ, ошмщенъ злымъ ды-
шешъ.
О какъ я радъ! пускай Саширу онъ напишетъ.
Я одъ его боюсь: то сущая хула;
Сашира слѣдственно мнѣ будетъ похвала.

ПО СЛУЧАЮ СПИСЫВАНІЯ ПОРТРЕТА СЪ ОДНОГО ПРЕМУДРАГО МУЖА.

Вы пишете портретъ съ философа Ослова:
Похвально славной ливъ въ портретъ сохранишь. —
Но выдумка сія, повѣрьте мнѣ, не нова;
Вамъ можно болѣе философа почпишь:
Съ живаго кожу сняшь, и чучелу набишь.

КЪ ВѢТРАНАМЪ.

Умомъ Французъ, красой Вѣшранъ снабжаетъ мода.
Уже ли ничего имъ не даетъ природа? —

Г У Р У.

Къ Хрістовой вѣрѣ Гуръ презрѣнья кажетъ видъ!
Глупецъ онъ былъ всегда, давно ли сталъ онъ Жидъ?

СКУПЯГЪ.

Что не говѣлъ сей годъ, скупяга, ты жалѣешь:
На что тебѣ говѣшь, ты цѣлый вѣкъ говѣешь.

ПИГМАЛІОНУ,

КОТОРОЙ ВЛЮБИЛСЯ ВЪ МРАМОРНУЮ СТАТУЮ.

Гордися ты, Пигмаліонъ!

Превозноси свою судьбину:

Въ прекрасной мраморъ ты влюблёнъ,

А прочіе должны влюбляться въ глину (*).

КЛИТУ.

Учился долго Клитъ и очень много знаетъ,

Но глупо мыслитъ онъ, глупѣе поступаетъ:

По знаніямъ — подробный, Клитъ, Словарь

А по уму Букварь.

КЪ МОДНЫМЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

О жены модныя! несносенъ вамъ Поэтъ

Однако и ему въ васъ право нужды нѣтъ:

Лишь Граціи его и Музы восхищаютъ,

А куклы не прельщаютъ.

(*) Уже ли мы глина? спросятъ женщины. — Вольно
вамъ не читать Библии.

КУТЕЙКИНУ,
 КОТОРЫЙ, КОНЧИВШИ ВЪ СЕМИНАРІИ ПОЭЗІЮ,
 ПОСВЯЩЕНЪ ВЪ ПОНОМАРИ.

Прошедъ Поэзію, крылашаго Пегаса
 Кушейкинъ осѣдлалъ;
 Онъ думалъ залетѣть на верхъ горы Парнаса,
 Но быстрый конь его на колокольню мчалъ.

КЪ НАБѢЛЕННОЙ КОКЕТКѢ.

Кто набѣлилъ тебя Вѣшрѣна?—Кто? — Амуръ.—
 Возможно! богъ любви спалъ нынѣ шукашуръ?

ЛЕКАРЮ.

Весь городъ удивленъ твоимъ выздоровленьемъ!
 Сего дня съ гордостью мнѣ лекарь говорилъ;
 — Да! да! я отвѣчалъ ему на то съ почтеньемъ:
 Всѣ ахають, что ты меня не уморилъ.

ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ.

Осшая нектаръ, скипетръ, громъ,
 Юпитеръ, по уши влюбленной,
 Къ Данаъ, въ башнѣ заключенной,
 Спустился золошымъ дождёмъ. —
 Прошли шѣ времена, настали вѣки бѣдны,
 И рада красота, какъ льется дождь и мѣдный.

ОСЛУ-ВЕЛЬМОЖЬ.

Дивишься, что оселъ вельможею сталъ нынѣ,
 И должно кланяться преглупой сей скошинѣ;
 Но для чего ослу вельможею не бышь,
 Когда могъ древле быкъ въ Египтѣ богомъ слышь?

ФРАНТУ, ПРИЧЕСАННОМУ *à la coq.*

Съ забавнымъ встрѣтился сего дня я дѣшиной;
 За диво можно бы показывать его:
 Пѣшущій гребень у него
 На головѣ ослиной.

Ф О К Ъ.

Нашъ Фока хвастаетъ своимъ широкимъ лбомъ, —
За тѣмъ, что Харьновскимъ украшенъ онъ гербомъ.

ВИРТУОЗУ АНТИПУ.

На лирѣ золотой когда Орфей игралъ,
То горы и лѣса и шаршаръ подвигалъ;
А ты, Антипъ, когда на скрыпкѣ заиграешь,
Смычокъ лишь подвигаешь.

Е М У Ж Е.

Коль Роде, или Дицъ играетъ —
Въ весельи каждый восклицаетъ,
Восторга ощущая жаръ;
О музыка! небесный даръ. —

Но лишь Антипъ въ гудокъ зазвонитъ,
То каждый охаетъ и стонетъ,
Вопитъ: о бѣдствіе людей!
О музыка! ты бичъ ушей.

ЕМУ ЖЕ.

Чшо, наково вчера оркестромъ мы играли?
 Мыѣ съ гордостью Аншиѣ сего дня проворчалъ:
 —О Боже! я вскричалъ:
 Вы слухъ мой разшерзали;
 Согласья нѣшъ у васъ: иль скрипки ваши въ ссорѣ?
 —Согласья? крикнулъ онъ въ задорѣ:
 Какой пелѣный вздоръ,
 Искать согласія межъ нами:
 Межъ флейшой, скрипками, басами—
 Когда въ Европѣ всей господствуетъ раздоръ!

БОМБАСТУСУ.

Безчисленны міры, и солища, и комешы,
 Прошешши времена, сисшемы, аргуменшы
 Въ огромной головѣ Бомбастусѣ все вмѣстилъ;
 И еслибъ мозгъ имѣлъ, не глупъ бы очень былъ.

ВЕСЕЛЬЧАКУ.

Ума и остроумья въ заемъ ты хочешь дать;
Но гдѣ тебѣ ихъ взять? —

ЕМУ ЖЕ.

Напрасно весельчакъ такъ гордо помышляешь,
Что остроумьемъ меня и разумомъ снабжаешь:
Хотя ты иногда красно умѣешь врать,
Но все-жъ то злота, что можешь лишь блистать?

КЛИТУ.

Когда Державина безъ чувства Климу читаетъ,
То мнѣль писать стихи? Нѣтъ! полно; Фебъ!
проси:
Но скромный василекъ престанетъ ли цвѣсти,
За тѣмъ, что грубый мулъ и розу попираетъ? —

ЧОРТЪ И СМЕРТЬ.

Куда, курносая?—Иду я за душою.
—Къ кому?—Къ Секретарю: шакъ велѣно судьбою!
—Ахъ! какъ проста судьба: живетъ она въ глуши:
Какой въ Секретарѣ, какой искашь души!
Но еслибъ и была, то вѣрь, что прежде смерти
Ту душу за алтынъ купишь успѣюшъ черти.

ВОПРОСЪ ФРАНЦУЗА и ОТВѢТЬ РУСКАГО.

Мы служимъ вамъ: мычащъ васъ по Французски
учимъ;
А что даеше намъ за важный шрудъ шакой?
—Какъ, что? бездѣлицу: и кормъ и водоной,
Да сверхъ того мы васъ своимъ богатствомъ
в्यूчимъ.

ГОРАЦІЕВУ ПОДРАЖАТЕЛЮ.

Изъ крашной оды Фирсѣ, лишь произнесѣ два слова,
Вселенная зѣвашь гошова.

ЕМУ ЖЕ.

И въ длинныхъ одахъ Фирсѣ швой умѣ не длиненѣ
былѣ,
А въ крашкихъ ты его лишь больше сокращилѣ.

ЕМУ ЖЕ.

И Ломоносовѣ нашѣ ничто Фирсѣ предѣ шобою:
Страницами того не производишѣ онѣ,
Что можешь произвешѣ ты строчкою одною:
Досаду, смѣхѣ, и грусшѣ, и сонѣ.

ПЕДАНТУ СОЧИНИВШЕМУ ЭПИГРАММУ.

Вошѣ чудо, да оно не снилось и Адаму:
Гѣшухѣ Индѣйскій снесѣ — яйцо? — нѣшѣ! эпи-
грамму.

СНОВИДѢНІЕ.

Кричишь во снѣ жена: ага!

Поймала я барана за рога!

—Опомнись! Богъ съ тобою!

Мужъ отвѣчаетъ ей:

Ты сонная рукою

Меня схватила за шупей.

ХРѢНОБДУ.

Какъ сшрого Хрѣнобдѣ постишся каждый годѣ.

—Чему же удивляешься?

Привыкѣ Ословѣ смиренный родѣ

Сухоядѣніемъ питаешься.

ПОДЪЯЧЕМУ.

Я также какъ солдатѣ Отечеству служу;

Не правда ли?—меня ты Кохтинѣ вопрошаешь.

Большое сходство я межѣ вами нахожу:

Тошѣ кровь свою, а ты чернила проливаешь.

ГЛУПОМУ СТИХОТВОРЦУ.

Ужѣ и осѣлѣ

На Пиндѣ забрѣлѣ.

БЕЗБОЖНИКУ.

Другіе, можешъ бышь, тому дивишься станушь,
 Что страшному суду Свиньинъ не вбришь шы;
 Но я скажу: шы правъ! предъ Богомъ не пред-
 станушь

Безсмысленны скоты.

ФЕДУЛУ.

Унизить предпринялъ Федулъ меня словами;
 Возвысить я хочу Федула похвалами:
 Въ награду свѣтъ почтешъ обоихъ насъ лжецами.

СИЛУ.

Въ Парижъ побжалъ Силъ; но съ чѣмъ прїбдешь нѣ
 намъ?
 Ума не вывезешъ; кису оставишь шамъ.

ПРЕКРАСНОМУ, НО ГЛУПОМУ МУЩИНѢ.

Ахъ! какъ прекрасенъ Тишъ; но молвишь правду
 машку:

Езопъ онъ на изнанку!

 Г У Р У.

О Небо! пощади несчастнаго меня:
Пусть онѣмѣетъ Гуръ, иль пусть оглохну я.

 Е М У Ж Е.

Природа разными снабжаетъ насъ дарами:
Какъ левъ шовъ силенъ, храбръ; сей зришь быстрѣй
Орла;
Хотя Гуръ по уму не сшоишь и осла;
Но въ свѣтъ Гуръ великъ — возлиными ногами.

 ТАНЦМЕЙСТЕРУ ЛЕГКОСКОУ.

Что древле былъ Орфей, то Легкоской межъ
нами;
По слову вдругъ его колоды скачущъ съ пнями.

КЛИТУ.

Я Клишомъ раздраженъ, и вошъ тому причина:
Изъ подшиха меня онъ больно укусилъ;
Но можно ли, чшобъ я ему саширой мстилъ?
Сашира для людей, а для него. . . . дубина.

НЕВЪРОЯТНЫЙ СЛУХЪ.

Что слышу? говоряшъ, что разны сочиненья,
Какъ шо: рецензію и длинны разсужденья
Гошовашъ для шисненья!
Помилуйте! ужель печашныхъ мало вракъ,
Въ кошорыхъ продаюшъ на площади шабакъ?

У.

Е П И Т А Ф И И.

ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ.

Россія! гдѣ твой ПЕТРЪ?—Во гробѣ онъ лежишь!
Ужели и боговъ смерть злобна не щадишь?

ЗАВОЕВАТЕЛЮ.

Стой, пушникъ!... Здѣсь Гигантъ ужаснѣйшій
лежишь;
Предъ нимъ вселенна шрепешала!
—Возможноль! великанъ въ сей ямочкѣ зарышь?
Стыдись вселенная! пошрясь тобою. . . карла.

НАДУТОВУ.

Какъ мало черезъ смерть Надушовъ потерялъ:
Онъ въ жизни былъ ничто, а въ гробѣ прахомъ
сталъ.

ВЕЛЬМОЖЪ.

Въ подземномъ здѣсь дворцѣ вельможа обитаетъ,
Своею знашностью червей онъ угощаетъ.

МОПСУ, ПОГИБШЕМУ ОТЪ ЛЮБВИ.

Чувствительный! вздохни о Вершере вшоромъ;
Онъ также спрасшенъ былъ, но только былъ съ
хвостомъ.

АНТИПУ ВИРТУОЗУ.

Весь вѣкъ Аншипъ игралъ, несносно слухъ терзая;
Онъ умеръ наконецъ, гудокъ свой обнимая,
И положишь его съ собою завѣщаль.
Прохожій! берегись, чтобъ онъ не заигралъ.

ЕМУ ЖЕ.

Здѣсь плоть Аншипова по смерти почиваетъ,
Но въ адѣ духъ его нынѣ должность отправляетъ:
Для муки грѣшниковъ на скрипкѣ шамъ играетъ.

Е М У Ж Е.

Неушомимый здѣсь Аншипъ слѣгъ для покоя:
 Онъ былъ шоль дивный виршуозъ,
 Что отъ игры его во время лѣшня зноя
 Крещенскій всякаго по ножѣ дралъ морозъ.

Е М У Ж Е.

Прохожій! шрепещи: могилу зришь ширана;
 Онъ звѣрствомъ превзошелъ Нерона, Тамерлана:
 Покою никому мучишель не давалъ;
 Младенцевъ, сшарцевъ, онъ друзей, родныхъ терзалъ;
 Ни плачь, ни вопль его не шрогали ушробы;
 Онъ рѣзалъ у живыхъ сѣрдца; былъ шигръ, палачь!
 Дрожишь и хочешь знашь: кшо, кшо сей извергъ
 злобы,
 Кшо былъ сей живодёръ? — Онъ былъ Аншипъ
 скрыпачъ.

Л Е К А Р Ю.

Здѣсь погребенъ
 Врачебныя управы членъ:
 Два Лекаря надъ нимъ искусство истощили; —
 О еслибъ Лекари лишь Лекарей лечили!

ИГРОКУ.

Сынъ щасія, кого всѣ *Короли* любили!
Гдѣ слава днесъ твоя? Увы! прошла какъ дымъ.
Холопы игроку и *дамы* измѣнили;
Лишь *черви* поползли за нимъ.

БАРДУСУ.

Здѣсь *Бардусъ* погребенъ: что звучностію гласа
Превосходилъ и *Музъ*, и *Феба* и *Пегаса*.

ОДНОМУ МОЛОДОМУ ЧЕЛОВѢКУ.

Прекрасная душа, прелестно юно шѣло
О преимуществѣ имѣли спорно дѣло,
Кошорое рѣшилъ недоумѣль и свѣшъ;
Но шажбу оную рѣшилъ врачей совѣшъ.

Г У.

Помѣстье, домъ прекрасный,
Кареты, цуги, все оставилъ сей несчастный,
И въ вѣчность отошелъ пѣшкомъ
Съ одною ношею — съ горбомъ.

ВЫСОКОУЧЕНОМУ.

Гниѣшъ здѣсь гордая Лашынь.
Аминь.

VI.

РАЗНЫЯ МЪЛКІЯ СТИХО-
ТВОРЕНІЯ.

THE
LIBRARY OF THE
MUSEUM OF NATURAL HISTORY
NEW YORK

НА ПОЛУЧЕНІЕ КАНДИДАТСКАГО ДОСТОИНСТВА.

Къ перу! излей восторгъ и радость опиши!
За риемой риема въ слѣдъ, стихъ за стихомъ
спиши.

Десницей мощною ученаго Сенаша
Се изъ ничтожества внезапно извлеченъ!
Пешлицъ сіяніемъ сребрисшымъ озаренъ,
Стою на шепени высокой Кандидаша!
И Слава, обвивъ меня своимъ крыломъ,
Съ улыбкой кажетъ всѣмъ печатный мой дипломъ!
Но могутъ ли толпы безумнаго народа
Таинственный дипломъ понять безъ перевода?
Невѣжды прочь! ашы Дедаловъ правнукъ, Блюмъ! (*)
Въ столярномъ мастерствѣ яви свой дивный умъ:
Сооруди ковчегъ красивый и огромный,
И что всего важнѣй, шоль крѣпкій и укромный,
Чтобъ время и пошопъ, огонь, буря, градъ и громъ
И крысы не могли мой повредить дипломъ!

(*) Извѣстнѣйшій въ городъ столяръ.

СТИХИ ПО ПРОЧТЕНІИ СУМАРОКОВА.

О горе, горе намъ,
Мѣлопомѣстнымъ риѣмачамъ!

Когда Парнаскій Князь, преславный Сумароковъ,
Кошорый бочекъ сто Парнаскихъ выпилъ шоковъ
И лавки книжныя сстихами завалилъ,
Когда и онъ ссрадалецъ риѣмы былъ.
Въ твореніяхъ его у ногъ Екатерины
Цвѣшущъ для риѣмы райски крини;
А гдѣ стоишь Великій Петръ,
Тамъ по неволѣ дуешь вѣшрѣ.
Нѣтъ риѣма! ты забудь насъ почишашъ рабами,
Иль разсердясь, тебя мы презримъ сами.

ПОХВАЛА ГУСИНОМУ ПЕРУ.

Природа перьями довольсшвуетъ гусей,
А гуси оными снабжаютъ писарей;
Гусиное крыло безъ перьевъ ослабѣетъ,
И писарска рука безъ оныхъ оскудѣетъ!
За данно вамъ добро
Природу гуси восхвалише;
За драгоцѣнное перо
Подбѣчѣ главу предъ гусемъ приклонише!

Ф О Р Т У Н А.

Зевесъ позвать къ себѣ Форшуну приказалъ;
 Но гдѣ ее курьеръ Зевесовъ отыскалъ?
 Не добродѣтели досшойно награждала,
 Въ конюшнѣ каменной осла она ласкала!

КЪ НѢКОТОРОЙ ШКАТУЛКѢ.

Шкашулка дорогая,
 Хотя изъ дерева, однако золотая!
 Магнитъ шкашулка для плюшовъ,
 Приманка для воровъ,
 Ласкашелямъ забава,
 Завистникамъ ошрава,
 Пресвищеровъ желанье,
 Подвѣчихъ прешыканье;
 Прибѣжище купцовъ брадашыхъ,
 Дворянъ надежда шоровашыхъ,
 Присланище несчастныхъ кораблей,
 Жишейскихъ посреди морей,
 Лишенныхъ денежнаго груза
 Чрезъ двойку или шуза!

Будь крѣпко заперта, шкашулка, для воровъ,
 Для мошоровъ, для ханжей, бездѣльниковъ, льстецовъ;
 Гони прочь отъ себя и ябеду съ когшями,
 И зависъ жолшую съ бѣсовскими глазами!
 Ошверста бѣднымъ будь и добрымъ помогай,
 Тогда ошверзешся и для шкашулки рай.

ЗЕРКАЛО и УРОДЪ.

УРОДЪ.

Ты грубое стекло меня приводишь въ сшѣдѣ.
Такъ гнуснымъ смѣешь ли изображать мой видѣ?
Будь вѣжливо: польши!

ЗЕРКАЛО.

Льсшишь право не умѣю;
Лестъ свойственна лисѣ, собакѣ и лакею.

СРАВНЕНІЕ.

Коль умѣ — небесный огонь: печь — наша голова;
Чшо жѣ наши знанія? — солома и дрова!

К О Н Ч И Н А

ОДНОГО МОЛОДАГО, ЗНАТНАГО И БОГАТАГО ЧЕЛОВѢКА.

Посшой, свирѣпа смершь! кричатъ съ любовью
младость;

Взгляни! едва, едва мы въ жизни процвѣли,
И любовашься мы другъ другомъ не могли. —

— Хошь насъ ты пощади, вопишь съ богашствомъ
знашность;

Пускай поговоришь о нашемъ блескѣ свѣтъ!

Оставь щасливца, смершь! ужель несчастныхъ
нѣтъ?

Но ежели угодно такъ судьбинѣ,
Чтобъ принесли, о смершь, тебѣ мы жершву нынѣ:
Шессть тысячъ душъ у насъ: любую выбирай!

Лишь съ жизнію ты насъ не разлучай! —

— Умолкнише! смершь грозно отвѣчаетъ:

Трава, о смершныя! вы предо мною всѣ;

Но шѣхъ коса моя охошнѣй подсѣкаетъ,

Которы щасшія цвѣтушъ на высотѣ.

С О Б А К И.

Погладивъ сѣраго, ласкашь я жучку спалъ,

На жучку сѣрой вдругъ напалъ.

То видя, я сказалъ:

Коль можешь зависть бышь межъ шварію такою,

То какъ ужъ людямъ намъ не грызешься межъ
собою! —

КЪ ЛЮДЯМЪ.

Гордишесь смертные умамъ;
 Но безприспременно ишо въ дѣянья ваши вникнешъ,
 Съ прискорбіемъ воскликнешъ:
 Ахъ! міръ сей сумасшедшихъ домъ!

СТИХИ НА ПУТИ ИЗЪ ГОРОДА ВЪ ДЕРЕВНЮ.

Ужъ за заславой я:
 Какая мнѣ оспрада!
 Передо мной. . . . прелестныя поля;
 За мною. . . . пыль и кирпичей громада!

ЦВѢТОЧИКЪ.

Теперь краса швоя, цвѣточикъ, насъ прельщаетъ;
 Но ахъ! увянешъ ты. —
 — До будущей весны!
 Безбожнику цвѣточикъ ошвѣчаетъ.

VI.

ЛИРИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

П О Э Т Ъ.

Смирись! ктобъ ни былъ ты, хотябъ властитель
свѣта:

Чшо пышный жребій швой предъ участью Поэта?
Хоть бѣденъ, но блаженъ; хоть смертенъ, но онъ
богъ.

Такъ! богъ: коль и боговъ шворишь онъ древле могъ.
Какъ пламень быстро онъ вселенну пролетаетъ,
Орломъ надъ солнцами онъ крылья разширяетъ,
Сквозь свѣта Океанъ во мрачны бездны зришь,
Объемлетъ естество и жизнь ему даритъ.

Чудесъ толикихъ мать повѣдай, древность, міру,
Коль всемогущъ Поэтъ, держа священну лиру:
Волшебнымъ гдѣ ея касался онъ струнамъ,
Средь дикихъ вдругъ пустынь раждались грады
шамъ;

Къ стопамъ его лѣса и горы преклонялись,
И шигры передъ нимъ, ласкаясь, просширались:
Такъ сей природы царь шворилъ и покорялъ!
Коль въ шаръ нисходилъ, и шамъ повелѣвалъ!
О даръ изящнѣйшій, даръ божествамъ завидный!
Вы лишены его ширанны ненасытны:

Вамъ можно лишь въ крови народы пошоплять;
Поэтъ имѣетъ даръ безъ брани побѣждать.
Тамъ ваши узники шерзаются въ мученьи,
Здѣсь плѣнники его ликуютъ въ восхищеньи;
Прегорьки слезы шамъ, сладчайши здѣсь текутъ;
Тамъ власъ ужасный бичъ, а здѣсь къ блаженству
пусть;

И еслибъ симъ пушемъ ходили человеки,
 Злашыя на земли господствовалибъ въки:
 Тогда бы смертныхъ родъ, лобзая жребій свой,
 Не преклонялъ колѣнъ, о счастье! предъ тобой. —
 Чшо чувствую? восторгъ объялъ меня небесной!
 Открылось предо мной видѣніе чудесно:
 Я зрю народовъ сонмъ въ прелеснѣйшей снранѣ;
 Благоговѣюще всѣ! — Средь сонма на холмѣ
 Я полубога зрю, иль мужа вдохновенна!
 Въ очахъ его душа сверкаетъ разкаленна;
 Какъ предъ грозою день, его такъ мрачный видъ,
 Улыбкой освѣщенъ, прельщаетъ и спрашивъ.
 Взлетѣвъ на лиру онъ крылатыми перстами
 И слаще соловья воспѣлъ съ ея струнами.
 Любовь и дружество, злая цѣпь сердецъ!
 Васъ въ пѣсни возгласилъ божественный пѣвецъ,
 И чисты жершвы вамъ повсюду воспылали!
 Вражда! низринься въ адъ, народы восклицали.
 Низринулась! гласишь въ восторгъ имъ Поэтъ,
 И какъ Эдемскій садъ міръ миромъ процвѣтешъ.
 Умолнулъ! . . . и вънцемъ оливнымъ увязенный,
 Въ храмъ славы отошелъ, пѣвцамъ опредѣленный.
 Не на развалинахъ сей храмъ сооруженъ,
 Не чрепами людей злощасныхъ покровенъ;
 Не зряся жершвы шамъ шрепещуци, сраженны
 И необрызганы шамъ черной кровью снѣжны.
 Убійцы! прочь отсель! Такъ, шигры, сей не вамъ
 Прекрасный и свящый воздвигнутъ славы храмъ.
 Пусть чудится вамъ лещъ, ползая предъ вами;
 Но здѣсь коль вспрѣшишесь съ правдивыми пѣвцами,
 Проклятіемъ на васъ ихъ лиры возгремашъ
 И сей ужасный гласъ всѣ въки повшоряшъ. —
 А ты, мужъ доблестный, чшо правдѣ побораешь,
 Мечемъ какъ молніей лишь злобѣ угрожаешь,

Приблизься! . . . се тебя безсмертіе зовешъ
 И лиру звучную Поэшу подаешъ.
 Ошнынъ не умрешъ, великодушный воинъ!
 Отъ истинна пѣвца хвалой ты удосшоенъ.
 Во мракъ скрышь хотѣлъ Сатурнъ свои дѣла,
 Раздался лирный звукъ и озарилась мгла. —
 Таковъ Поэшъ! — О сколь возлюбленъ тошъ судьбою,
 Кто съ пламенной рожденъ и нѣжною душою;
 Священный на кого наипсшвуетъ восторгъ,
 Кого пѣшь научилъ самъ сстихошворства богъ;
 Другъ добродѣтели, врагъ гнуснаго порока,
 Не ждешъ онъ милосшей отъ своеиравна рока!
 Крезъ въ блескъ, въ роскошахъ блаженстванеимѣлъ;
 Гомеръ былъ въ нищетѣ, но раемъ онъ владѣлъ.

ЗЛАТОЕ ВРЕМЯ.

Будетъ время, что престанетъ
 Лишь Форшуна сладкій ядъ,
 Смершныхъ больше не обманетъ
 Еввы сей прелесный взглядъ.

* *
 *

Будетъ время: умъ отважный,
 Лилипушскій великанъ,
 Замыслы оставитъ важны
 Досягнуть эфирныхъ странъ.

* *
 *

Будетъ время, что спрасъ нами
 Не дерзнетъ уже играть;
 Не дерзнетъ она сердцами,
 Какъ Султанъ повелѣвать.

* *
 *

Будетъ время, что гремушка
 Не плѣнитъ Герой, себя,
 Ни блестящая игрушка:
 Перестанешь быть дитя.

* *
 *

Будетъ время: полъ прекрасный
 Не наложитъ ты оковъ,
 И не будушь намъ опасны
 Милостивость и любовь.

Будетъ время, что гонишель
 Слабыхъ кровь пресшанетъ пить;
 И небесный правды мстишель
 Громъ положишь опочить.

* * *

Будетъ время, что смиряшся
 Люди, вздорливы слѣпцы,
 И покоемъ наслаждашся,
 Какъ прямые мудрецы.

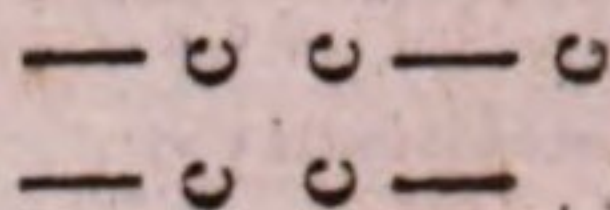
* * *

Будетъ время: дарованья
 Глупости не оскорбятъ,
 И уродливы созданья
 Не поставятъ имъ преградъ! —

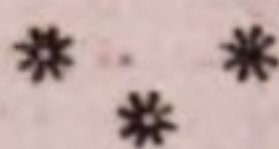
* * *

Но сіе злѣе время
 Не наступитъ никогда.
 — Нѣтъ! наступитъ, но тогда,
 Какъ исчезнетъ смертныхъ племя.

О С Е Н Ь

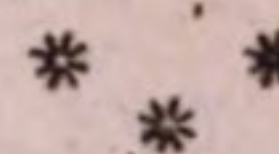
Скучна природа
 Стала ты вдругъ,
 Ясна погода
 Съ лѣтомъ прошла.

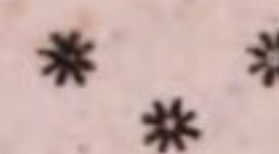
Сизы шуманы
 Вьются вездѣ,
 Мрачны надъ нами
 Тучи висятъ.

Хоръ сладкогласный
 Пшичекъ умолкъ,
 Ревъ лишь ужасный
 Слышенъ звѣрей.

Листъ упадаетъ
 Съ шумомъ съ древесъ,
 Цвѣтъ увядаетъ,
 Гибнетъ трава.

Томны бросаю
 Взоры вокругъ
 И ощущаю
 Въ сердцѣ печаль.

Вѣчно ли спану
 Въ жизни цвѣсти? —
 Тоже увяну
 Въ осень мою.

КЪ РОССІИ.

Гордись, Россія! ты сынами;
 Гордись предъ прочими странами!
 О славна мать! твой каждый сынъ
 Ужасный сердцемъ исполинъ.

* * *

Онъ въ жертву все тебѣ приносишь;
 Покой, имущество и кровь;
 Царя міровъ усердно просишь:
 Пряди въ насъ къ матери любовь!

* * *

Пускай завидливой рукою
 Судьба подпишетъ приговоръ:
 Сразишь цѣлый свѣтъ съ тобою,
 И вскрикнешъ: смерть, или позоръ?

* * *

Смерть! смѣло мы злодѣямъ снажемъ,
 И землю кровью обогримъ;
 Судьбѣ завистливой докажемъ,
 Что храбрый Россъ непобѣдимъ.

VII.

СТАТЬИ СВЯЩЕННАГО
СОДЕРЖАНІЯ.

ПѢСНЬ ВѢРѢ.

Воспрями духъ мой усыпленный!
 Всю бодрость нынѣ ты яви:
 Спращей тиранствомъ наложенны,
 Посыдны цѣпи разорви;
 Да узришь ты себя достойнымъ
 Небеснымъ пламенемъ горѣть,
 Усерднымъ гласомъ и пристойнымъ
 Всесильна Бога дочь воспѣшь.

Прекрошкую и преблагую
 Дочь правосуднаго Творца,
 Спремлюсь я Вѣру пѣть свяшую.—
 Прочь, прочь, спроптивыя сердца!
 Лжемудрецы! для васъ невнятенъ
 Гласъ истины, гласъ пѣсни сей;
 Вамъ фурій адскій крикъ пріятенъ,
 Учащихъ злобѣ васъ своей.

Съ небесъ, откуда свѣтъ нисходишь,
 Простри, богиня, лучъ ко мнѣ,
 Туда мой духъ свой взоръ возводишь:
 Се, воскриленъ наришъ къ тебѣ!
 Священный страхъ его обемлешь,
 Безмолвенъ шаль и удивленъ;
 Онъ сладкогласнымъ ликамъ внемлешь,
 Отвсюду блескомъ ослѣпленъ.

Не сели Вышняго чертоги,
 Ошколь вселенной правишъ Онъ,
 Ошколь праведный и строгій
 Изрекъ швореніямъ законъ?—
 Ошсель міры въ прахъ обращаетъ
 И новы маніемъ шворишъ;
 Ошсель Онъ въ душахъ чищаетъ
 И каждую песчинку зришъ.

У трона, славой окруженна,
 Гдѣ Громовержець возсѣдишъ,
 Се на колѣнахъ, шоль смиренна,
 Дщерь Бога, Вѣра предстоишъ!
 Умильный зракъ ея блискаетъ
 Сердечной шеплою слезой,
 Таѣ Май лилею украшаетъ
 Алмазной по зарямъ росой.

Съ простертыми она руками:
 „О грозный Богъ! о мой Отець!
 Речешъ любезными устами,
 Призри на вѣрныхъ мнѣ, Творецъ!“
 Всей злобой ополчасъ, бунтуешъ
 Противъ меня адъ на землѣ:
 Да Сѣверъ, другъ мой, шоржествуетъ
 И возвратишъ полсвѣта мнѣ.“

„Мои разрушилъ Западъ храмы,
 Лжемудрость божествомъ нарекъ;
 Тамъ шаршаръ овладѣлъ душами
 Въ исполненный развраща вѣкъ!
 Единый Сѣверъ защищаетъ
 И добродѣшель и меня,
 Всемошный! онъ къ Тебѣ взываетъ:
 Прославъ его! прославъ Себя!“

Такъ вѣра Россамъ побораеѣтъ!
 Таковъ ихъ въ ней усердья плодъ!
 Доколѣ Вѣру почитаеѣтъ,
 Цвѣтуѣтъ пребудеѣтъ сей народъ;
 Проскреѣтъ лишъ въ ней свои онъ длани,
 И адскихъ избѣжитъ сѣшей:
 Такъ, Вѣрой крѣпокъ Россъ во брани
 И непосступенъ средъ смершей.

Но что за Фурія зѣеѣтъ
 И пламень вержеѣтъ на меня?
 Какъ жалоѣтъ—взоромъ уязвляеѣтъ;
 Впилаѣтъ въ сердце ей змѣя,
 Другія вкругъ главы віюѣтъся
 И черный ядъ шипя ліюѣтъ;
 Слова ужасны раздаюѣтъся
 И душу всю мою шрясуѣтъ.

„Сстраѣтъ ты моего оѣмщенья!
 Кому хвалу ты воздаеѣтъ?
 Во дни толики просвѣщенья
 Кого безумный ты поеѣтъ?
 Дерзнулъ ты славословиѣтъ Вѣру!
 Сшокралъ мудрѣйшіе тебѣ
 Презрѣнну видѣѣтъ въ ней химеру
 И чшуѣтъ богинею меня.“

„О несравненная награда
 Для ревностныхъ рабовъ моихъ!
 Обильно всѣ уѣѣтъхи ада
 Лію всечасно я на нихъ:
 Съ улыбкой по цвѣтамъ ступаюѣтъ;
 Нѣѣтъ терніа на ихъ пуши;
 Сомнѣнныя, страхи попираюѣтъ;
 Къ нимъ скорѣтъ не смѣѣтъ подойти.“

„Воззри на моего любимца!
 Онъ прахомъ былъ покрытъ и тьмой,
 И се сіяетъ какъ Денница:
 Онъ вознесенъ, прославленъ мной!
 Я власть даю ему надъ міромъ!—
 Пльнись его ты торжествомъ,
 Повергнись предъ моимъ кумиромъ,
 Почти нечестье божествомъ!“

Изчезни адско порожденье!
 Не божество, ты бичъ земли!
 Свирѣпство, ужасъ, истребленье
 Всегдашни спутники твои!
 Гдѣ ты—ошшуда вождельбны
 Бѣгутъ согласье, шишина;
 Съ кѣмъ ты—въ томъ нравы развращенны,
 Душа того злодѣйствъ полна.

Коль губельно то упоенье,
 Что въ сердцахъ производишь ты!
 Пройдетъ ужасно изсупленье,
 Изчезнутъ буйственны мечты,
 Съ опчаяньемъ шумъ изверговъ взглянетъ
 Въ зеркалъ правды на себя;
 Но щещно проклинашь онъ станетъ
 Тогда, чудовище, тебя!—

О смертный! Вѣрой ты одною
 Блаженство истинно найдешь!
 Царемъ поставленъ ли судьбою,
 Иль въ низкой долѣ жизнь ведешь;
 На лонѣль щасья почиваешь,
 Иль злобнымъ рокомъ ты гонимъ,
 Да съ Вѣрой твердо пребываешь,
 И Небомъ будешь ты хранимъ.

Какое зрѣлище чудесно!
 Се съ горнихъ мѣстъ она грядетъ,
 Надежда и Любовь небесна,
 Обнявшись, идутъ ей во слѣдъ,
 Всѣ добродѣтели руками
 Сцѣпясь, низходятъ въ дольный міръ,
 И неба оотягченъ дарами
 Грядетъ въ вѣнцѣ оливномъ миръ.

Божественный отъ странъ эоира
 Внезапно къ намъ спремится гласъ;
 На крылахъ легкаго зефира
 Къ прекрасну сонму обращаеъ
 Такъ Вбра крошкая вѣщаетъ:
 „Внемлите, стонетъ какъ земля;
 Какъ въ блѣдны перси ударяетъ
 Раба невѣрная себя!“

„Что въ буйствѣ, дерзна, предпріяла?
 Къ гибели своей она
 Войной прошивъ того возспала,
 Изъ персти нѣмъ ссворена;
 Измѣной адской обольщенна,
 Предъ злобною Царицей шьмы
 Въ знакъ рабства пала на колѣна;
 Ошинутъ Богъ, презрѣны мы!“

Изшоргнувшись вдругъ разъяренна
 Изъ ада буря какъ лешитъ,
 Крылами вихрей восхищенна;
 День ноцію, ноцъ днемъ творитъ,
 Стихіи съ ревомъ побуждаетъ
 Сражашся яро межъ собой,
 И вмигъ въ природѣ разрушаетъ
 Порядокъ дивный и покой.

Такъ Фуріями вдохновенна,
 Съ геенскимъ фавеломъ въ рукахъ,
 Стремишся машь предерзновенна
 Сердца воспламеняшь въ сынахъ:
 Въ нихъ буйство, злобу возбуждаешь,
 Страхамъ свирѣпствовать велишь,
 Блаженства прочнаго лишаешь
 И адскими мечтами льстишь.

Безумные безумной внемлютъ;
 Вошше къ нимъ совѣсть ихъ вопишь:
 Оружье адское подвемлютъ,
 Гошвы съ небомъ въ бой вступишь.
 Падутъ со трескомъ Царски ироны,
 Дымятся въ пещи олшари,
 Ногами поираны законы,
 Шумятъ кровавые ручьи.

Смиришесь, братья, ослабленны,
 Иль дерзкихъ васъ смирю единъ!
 Воскликнулъ мразомъ возвращенный
 Межъ льдами страшный исполинъ:
 Съ васъ иго адское низвергну,
 Я васъ заставлю мирно жишь;
 Власть Царску, Вѣру чистишь священну
 И добродѣтели любишь.

Онъ рекъ, и мечъ сверкаетъ
 И адски полчища падаютъ;
 Коварство что ни вымышляетъ,
 Ничтожнымъ зришь оно свой шрудъ;
 Яришся шаршаръ, негодуешь,
 На раны, поблѣднѣвъ, глядишь,
 Но съ небомъ купно Россѣ ликуешь,
 Зря дерзостныхъ уронъ и стыдъ.

„Грядемъ въ страны благословенны,
 Такъ Вбра спутникамъ речешъ,
 Гдѣ племена живутъ мы върны:
 Тамъ насъ усердіе ихъ ждешъ;
 Для насъ и храмы шамъ ошверсты,
 Гошovy чисты жершвы намъ,
 Но сердце Россовъ чуждо лести,
 То намъ прекрасный будешъ храмъ.“

Гряди къ намъ Вбра благодатна!
 О коль намъ вожделѣнна ты!
 Страна у насъ сурова, хладна,
 Но сердце полно шеплошты;
 Найдешъ въ немъ доблестъ и покорностъ
 Тебѣ, законамъ и Царю,
 Найдешъ всегдашнюю гошовностъ
 Принесъ вамъ въ жершву жизнь свою.

Во вѣки царствуй ты надъ нами
 О Вбра! ты блаженства мать;
 Мы любимъ, чшимъ тебя сердцами,
 Сшремимся скинешръ швой лобзашъ:
 Ты въ жизни сей для насъ ошрада,
 И въ вѣчности веселье намъ.
 Терзайщися любимцы ада:
 Вамъ горе здѣсь и горе шамъ!

С О Н Е Т Ъ (*).

Колико, Господи, судьбы Твои правдивы!
 Веселіе Твое — намъ милости шворишь;
 Но Ты, Создатель, зришь души мои снропшивы,
 И правдою судя, мнѣ можешь ли простишь?

* *
*

Такъ, Боже, предъ Тобой я грѣшникъ нечесливый:
 Досшойно власшь Твоя мнѣ казнь опредѣлишь:
 Спасшись не долженъ рабъ, какъ я, грѣхлюбивый,
 И благосшь къ намъ Твоя его не пощадишь!

* *
*

Пролей Ты на меня всю праведную яросшь,
 Яви къ слезамъ моимъ презрѣніе, не жалосшь:
 Грянь, громомъ порази, и бранью брань отмсши;
 Погибну я законъ и гиѣвъ Твой обожая.

* *
*

Но что! куда перунъ повергнешь Ты?
 Зри! — всюду кровь на мнѣ Христова пресвящая.

М О Л И Т В А.

Услышь меня, о Боже, съ высошы!
 Мольбу единую къ Тебѣ я возсылаю:
 Подай, Всещедрый, мнѣ не то, чего желаю;
 Но то, что Самъ подашь восхощешь Ты!

(*) Переводъ изъ Дебаро.

VIII.

ПРОЗАИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

СВЯТЫЙ

Въ имя Твое, Господи, вознесу руки мои:
и спасеши меня, Господи, Боже мой.
Въ Твое святое имя, Господи, вознесу
руки мои, и спасеши меня, Господи, Боже мой.

III.

ПРОЗНАНИЕ СОВЕРШЕНН.

Въ имя Твое, Господи, вознесу руки мои:
и спасеши меня, Господи, Боже мой.
Въ Твое святое имя, Господи, вознесу
руки мои, и спасеши меня, Господи, Боже мой.

Въ имя Твое, Господи, вознесу руки мои:
и спасеши меня, Господи, Боже мой.
Въ Твое святое имя, Господи, вознесу
руки мои, и спасеши меня, Господи, Боже мой.

СВЯТЫЙ

Въ имя Твое, Господи, вознесу руки мои:
и спасеши меня, Господи, Боже мой.
Въ Твое святое имя, Господи, вознесу
руки мои, и спасеши меня, Господи, Боже мой.

Въ имя Твое, Господи, вознесу руки мои:
и спасеши меня, Господи, Боже мой.
Въ Твое святое имя, Господи, вознесу
руки мои, и спасеши меня, Господи, Боже мой.

СКАЗАНИЕ О ΘЕМИДѢ И ОБЪ ИНОПЛЕ- МЕННЫХЪ ПРИКАЗНЫХЪ.

Обишаемая нами планета значить менѣе во вселенной, нежели какой нибудь уѣздный городъ въ обширной Россійской Имперіи. Удивительно ли, что богиня Правосудія не часто посѣщаетъ нашъ уѣздный міръ? Ея присущіе нужно и для другихъ планетъ, изъ коихъ нѣкопорыя, по своему пространству и многолюдству, заслуживаютъ названіе міровъ Губернскихъ. Таковъ Юпитеръ: онъ въ нѣсколько тысячъ разъ болѣе земли. Московскій гигантъ Иванъ Великій ничто въ сравненіи съ Юпитерскимъ подъячимъ, котораго карманъ ужасная бездна, могущая поглотить всѣхъ крючкотворцовъ земнаго шара. Вотъ какими приказными громадами озабочено теперь Правосудіе! — Не сколько восхищается земнородный крапивнаго естества, наблюдая сквозь очки движеніе красной ассигнаціи въ рукѣ просишеля, сколько восхищался одинъ знаменитый Астрономъ нашей планеты, взирая сквозь волшебный телескопъ на слѣдующее произшествіе:

Быстро напилася Θεмидина одноколка по эфирной сполбовой дорогѣ. На границѣ Юпи-

перской атмосферы удивительное зрѣлище предстало очамъ Ѳемиды; шесть парадныхъ филиновъ важно подвигали торжественный берлинъ, откуда выглядывала угрюмая Ночь, управляя на себѣ блестящія звѣзды. Сіяющая мрачность согласилась, по усиленной просьбѣ Правосудія, закрыть звѣзды свои черною манпильею. Симъ воспользовалась Ѳемида, и очутилась на площади одного города, подлѣ огромнаго зданія, не въ величествѣ богини, но въ смиренномъ видѣ челоуишника. Какое-то горестное предчувствіе стѣснило сердце Ѳемиды! Появившаяся луна указала ей на крыльцѣ высокихъ палатъ: чернильницы сокрушенныя, бумагу разшерзанную и перья изгрызенныя. — Здравствуй, Правосудіе-челоуишникъ! вѣщала съ усмѣшкою Луна. Спранно мнѣ, Ѳемида, что ты при одномъ взглядѣ на посвященный тебѣ храмъ повѣсила уже носъ. О! сколь будешь ты ушѣшена, когда лучезарный братъ мой покажетъ тебѣ служителей твоихъ. Клянусь Спиксомъ, что на Юпитерѣ подъячіе самые неугомонные пвари. Теперь, во время всемірной пишины, иные изъ нихъ за карпочными сполами гремятъ алпынами, другіе при неистовыхъ восклицаніяхъ бьютъ въ дребезги опорожненныя фляги и красоули; иные же въ ябедническомъ изступленіи заставляють кричать несчастныя перья; даже и тѣ, копорыхъ Морфей держитъ на при-

в'язи, нарушаюш' спрашным' х'рап'н'єм' спок'йсп'віе природи. Прости, жалкое под'яческое божество! скоро увидишьс' ты с' Авророю. Багряная с'я богиня не замедлила показаш'ся вер'хом' на красной лошади. И с' богини, и с' коня сыпались рум'яна. Приш'ш'я в' Оемид' удивленіе, Заря сказала ей: так' ли ты удивишьс', когда увидишь д'в'спвенную красоту под'ячих' зд'шней планеты. Райскія розы цв'шущ' на их' пухлых' ланипах', и небесная лазурь (бывает' не р'дко) у них' под' глазами. Внезапно оп'ворились двери храма и вышло н'кое приказное чудо для н'когого неперпящаго проволочки д'бла. Ужасный писарь возвратился в' свое логовище, з'вая и попягиваясь. Не только б'днаго челобитчика, но и Аврору взглядом' он' неудостоил'. — Вот', сказала Аврора Оемид', один' из' швоих' причешников'. При наступленіи ночи Морфей заспал' его в' храм' швоем' еле движущагося, и поверг' безчувспенна с' презр'н'єм' под' лавку. Ах'! еслибы Морфей не под' лавку, но в' преисподнюю забросил' с'е скарёное порожденіе л'беды, находившееся при посл'днем' издыханіи, оп' чрезм'рнаго пріема пьяной акциденціи. Ты вид'бла, как' грубо обошелся со мною кр'ючкотворец'. Но можеш' ли Заря обижаеш'я нечувспвишельностію сего живошного. Само солнце никогда не зр'ло на Юпитер' такого дива,

чшобы великолѣпїемъ его восхищался подъячїй. Въ гадахъ и въ чудовищахъ возбуждающѣ, кажешся, солнечные лучи нѣкоторое чувство благодарности, а въ подъячихъ, въ сихъ одаренныхъ жизнью куфахъ, производятъ они только броженіе. — Правда! воскликнулъ Фебъ;—и Заря, засвидѣтельствовавъ ему и Ѡемидѣ усердное почианіе, ускакала. Въ слѣдъ за нею отправилась и пишина. — Разнозвучные голоса колосальныхъ жишелей Юпишера попрысали воздухъ. Сиповашый и принужденный подъяческій голосъ отличался отъ другихъ и былъ несносенъ для ушей Правосудїя. — Вскорѣ покрылась Ѡемидина площадь низайшими формами: онѣ имѣли скрюченное шуловище, проворныя ходули, острые когти, желѣзной лобъ, мушныя глаза; ноздри пабаку алчущія, уста водки жаждущія, уши длинныя, пернатые и карманы широкіе, укладисные. Хищное сонмище раздѣлилось на двѣ части: меньшая, кашляя и кряхтя, вспушила во храмъ Правосудїя, а большая направила стопы къ Бахусову напищу. — Богиня-челобитчикъ дрожащею ногою коснулась прага судилища. Остановись! грозно сказала ей нѣкая плѣшивая особа: я здѣшняго храма понамарь! должность моя состоитъ въ томъ, чшобы наполнять жершвенные сосуды чернилами и собирашь пошлину со входящихъ въ Ѡемидино свящилище моельщиковъ. По-

дай алпынб! — Тщепно Правосудіе увбряло своего понамаря, что оно, по неимбнію широких кармановб, не могло запаспись алпынами: грубой алпынникб хопблб уже опшполкнушь опб дверей ббдную свою богиню; но Фебб такб сильно бросилб лучь вб его плбшивую голову, что пошлина вылетбла опшпуда вмбспб сб памяшью. — Освобожденная опб приказнаго Цербера Фемида вошла вовнутренность храма. Какая чрезвычайная картина поразила взоры Правосудія! Тамб спрашная бумажная гора возносила до пополка гордое свое чело, увбнчанное паушиною; а здбсь проспиралось длинное деревянное поле, усбянное чернильницами и пабакерками испещренное; по краямб его возвышались бумажные холмы, на копорыхб сб крикомб ббгало многочисленное спадо гусиныхб перьевб. Принуждали ихб кб пому бездушные дьячки храма. Кб одному изб сихб дьячковб, сирбчь, подьячихб, подошла богиня-челобипчикб и сказала ему, что ей нужна помощь Правосудія. Подьячій, не говоря ни слова, пропянулб кб ней руку. Фемида подходила кб каждому изб нихб по очереди, но всб они молчали и пропягивали руки. Богиня погрузилась вб мрачную задумчивость. Вижу, шепнулб ей наконецб подьяческій голосб, что шы челобипчикб непросвбщенный. Пойдемб вб капище премудраго Бахуса, принесемб ему на швой щепб ушреннюю жертву, и тогда опкрою

шебѣ важныя таинства нашего храма. Оп-
 крой мнѣ напередѣ, сказала Оемида, гдѣ ваши
 жрецы, гдѣ вашъ дякъ и гдѣ вѣсы право-
 судія? Все сіе принадлежишѣ къ таинствамъ,
 опвѣчалъ подьячій. Взглянувъ на него съ
 презрѣніемъ, Оемида вышла изъ храма. —
 Она возвела къ Солнцу печальные взоры.
 Чувствительный Фебъ и самъ прослезился.
 Онъ подалъ ей знакъ, чѣобы слѣдовала за
 нимъ, и привелъ ее на одинъ просторный
 дворъ. — Здѣсь толпа народа, обремененнаго
 различными приношеніями, шѣснилась во-
 кругъ огромныхъ вѣсовъ. Съ опчаяніемъ
 увидѣла Оемида надпись: *вѣсы правосудія*
 и стоявшаго подлѣ нихъ жирнаго дяка. По-
 смошримъ, говорилъ дякъ, одному опвѣш-
 чикъ, чѣо ты въ свое оправданіе положишь
 на сіи безприспраспные вѣсы. — Я кладу,
 сказалъ несчастный, мою совѣсть, мою обиду,
 мои слезы. — И только! возгласилъ дякъ; а
 ты, господинъ ищецъ, чѣо положишь въ
 доказательство справедливости своего иска.
 — Не токмо положу, но и поспаваю, опвѣ-
 чалъ сущяга. Кладу сію сафьянную архиву
 наполненную синими, красными и бѣлыми
 докуменшами; въ дополненіе же спавлю я на
 безприспраспные вѣсы фурупишательныхъ
 докуменшвъ и сороковую бочку самага крѣп-
 каго доказательства справедливости моего
 иска. Опвѣшчикъ проигралъ, воскликнулъ
 дякъ: вѣсы Правосудія упали на твою,

испецѣ, сторону. Иди съ миромъ и поклонися жрецамъ. — Чувствуюешь ли ты, съ гнѣвомъ у дьяка спросила Эмида, что такое Правосудіе. — Очень чувствую, опивчалъ дьякъ, погладивъ себя по толстому чреву. Правосудіе, очищенное отъ акциденціи, составило бы нѣкую воздушную снѣдь довольно, можетъ быть, сытную для поспыныхъ людей, именуемыхъ добрыми: но весьма не удовлетворительную для приказной лакомой ушробы. Утверждаютъ въ школахъ, что Правосудіе добродѣтель, а преданіе гласитъ, что оное Правосудіе божество; но можетъ ли сія добродѣтель, сіе божество сравниться съ свѣжепросольною осеприною и съ копченымъ окорокомъ? — О Солнце, вскричала Эмида, принявъ на себя величественный видъ богини, ты обещаешь вселенную, вѣщай: гдѣ еще роспущены столь подлые дьяки и подьячїе? — Нигдѣ, опивчалъ Фебъ. Въ небольшомъ мірѣ, называемомъ Землею, приказные не столь крупны, какъ на Юпитерѣ; но они могутъ почестись украшеніемъ своей планеты. Земные дьяки и подьячїе не опиваются и не обыгрываютъ просипелей, не кривятъ душою, чужды ябеды, непричастны акциденціи, усердны Государю и Правосудію. Если бы шамъ осмѣлился дьякъ перенести изъ судилища на свой дворъ вѣсы правосудія: то онъ былъ бы осмѣянъ, презрѣнъ и повѣшенъ. — А ты, любодѣ, вѣщала Юпитерскому дьяку

Оемида, думаешь ли, что злодѣянiя твои останутся не наказанными? Позови же ко мнѣ искуснаго Анапомика! — Всепресвѣпѣйшая богиня, возопилъ дьякъ, бью челомъ о нижеслѣдующемъ: повели разсмопрѣть мое уголовное дѣло судебнымъ порядкомъ и дозвожь мнѣ окаянному умереть по формѣ. — Между тѣмъ явился искусный Анапомикъ, и узнавъ, что должно попросить дьяка, произнесъ, по сему случаю, вишѣвашую Лапинскую рѣчь. Пошомъ разпянувши дьяка на сороковой бочкѣ, принялся анапомить его карманъ. Дьякъ ощутилъ ужасное мученiе и поднялъ жалкой крикъ. Посинѣвшее лице и судорожное движенiе персповъ, недавно алпыны принимавшихъ, показывали исходъ дьячей души. Вскорѣ вылепѣла она изъ распорошаго кармана въ образѣ непопыря, и спрадалецъ преспавился. — Богиня приказала разрѣзать лакомую упробу, но Анапомикъ поклялся всею Миѳологіею, что опъ вскрышiя дьячего чрева непременно произойдетъ моровая язва. — Въ головѣ у дьяка найдено, сверхъ множества крючковъ, основательное познанiе о ходячей монетѣ, о напишкахъ и сбѣспныхъ припасахъ; подъ ябедническими ногшями примѣчено ядовитое чернило, а въ груди (къ лѣвой сторонѣ) опысканъ большой камень. Оемида повелѣла на семъ камнѣ вырѣзать надпись: *густительное еердце Юпитерскаго дьяка* — и сію натураль-

ную рѣдкость отослала вѣ Кунсткамеру. Туда же отправила и дѣячій прупѣ, посадивши вѣ наполненную спиртомѣ сороковую бочку.—Неизвѣстно еще, какѣ поступлено съ подьячими. Но весьма вѣроятно, что они наказаны публично анапомическимѣ ножомѣ и сосланы вѣ Кунсткамеру.

Преблагородные дѣяки и подьячіе здѣшняго міра! вы, безѣ сомнѣнія, гнушаетесь пороками и злодѣйствами преподлыхѣ вашихѣ собратій на Юпитерѣ. Сколь вы почтенны и щасливы, естли вы добродѣтельны. Вѣ противномѣ случаѣ спрашите Правосудія и ножа анапомического,

ИСТОРИЧЕСКОЕ и ФИЛОСОФИЧЕСКОЕ РАЗСУЖДЕНИЕ о БЛОХЪ (*).

Блоха занимаетъ не послѣднее мѣсто между мучителями рода человѣческаго. Черноша ея показываетъ, что она есть изчадіе ада. Много ли такихъ щасливцевъ, которые бы хопя однажды въ жизни не испытали люпоспи сего чудовища?—Блоха не сморитъ ни на возрастъ, ни на состояніе; не смягчается прозьбами, не боится угрозъ; докучлива какъ проситель, увертлива какъ подьячій, когда перспы уязвленного имъ Правосудія спремятся его раздавить.—Исторія предспавляетъ намъ ужасный примѣръ вшей, умершвившихъ Римскаго Дикшагора Силлу. Плупархъ, повѣспвующій о семъ ужасномъ пораженіи гордоспи, опдаетъ лавровый вѣнокъ однимъ только вшамъ; но кто не видитъ здѣсь его приспраспія, и кто усумнится, чтобы блохи, всегдашніе союзники вшей, не принимали участія въ доспопампной ихъ побѣдѣ.—Такъ! міръ шрепепалъ предъ Римомъ, Римъ предъ Силлою, а Силла восшрепепалъ не предъ одними вшами,

(*) Напечашано въ Вѣстникѣ Европы.

но и предъ достойными ихъ союзниками. Отдавая, такимъ образомъ, должную блохамъ справедливость, признаемся, что торжествующихъ надъ могуществомъ побѣдителя Марія и Мипридапа сколь унижительно, столь и полезно для сильныхъ міра сего. Не лучше ли оно краснорѣчивѣйшей проповѣди учить ихъ смиренію?—Греція также не мало поперпѣла отъ нашествій соединенныхъ варваровъ блоховшей. Могучему ея Геркулесу легче было поразить Немейскаго льва, Лернскую гидру и ужаснаго дракона, нежели богатырскою своею палицею убить ходя одну блоху!—Нынѣшнія времена могутъ, по справедливости, гордиться предъ древними тѣмъ, что ни одинъ полководецъ не погибъ подобно Силлѣ. Умалчивая о войнахъ другихъ народовъ, скажу, что наши Герои, хотя часто принуждены бывають сражаться съ многочисленными арміями Азіатскихъ и Европейскихъ блоховшей; но такъ же храбро побѣждаютъ ихъ, какъ и прочихъ своихъ непріятелей. При всемъ томъ блохи таковы и нынѣ, каковы были при Геркулесѣ. Онѣ не измѣнились подобно Римлянамъ и Грекамъ. Между тѣмъ, какъ сія послѣдніе, забывъ славу Перикловъ, Эпаминондовъ и Агезилеевъ, раболѣпно повергаются предъ Сулпаномъ, блохи, сохраняя древнюю независимость, мужественно нападаютъ на его пучное величество. — Тщешно въ Сералѣ урод-

ство спіережешъ красоту: республиканцы врываюшся шуда и, наслаждаясь прелестями Сулпаншъ, приводяшъ въ бѣшенство ревниваго пирана. — Черпоги прочихъ Государей не всегда безопасны отъ блохъ: онѣ прыгаюшъ тамъ посреди другихъ насѣкомыхъ, копорыя приближаются ко прону, къ нещасію, иногда народовъ и Царей. Часпо, весьма часпо гонимая добродѣшель смиренно стоишъ въ передней вельможи, а блоха, покровишельствуемая форпуною, гордо присушствуетъ въ его кабинетѣ. — Но ежели какой льстець думаетъ, что палаты Царей и вельможъ для блохъ неприспупны, да вѣдаетъ, что онѣ и самыхъ языческихъ боговъ посѣщали. Длинная Юпитерова брада не однократно касалася земли и служила блохамъ лѣспвицею на Олимпѣ. Сіи земные выходцы большею частію оспавалися въ Зевесовой брадѣ, какъ говоришъ преданіе, и сполько въ ней размножилися, что дерзнули объявишъ войну Царю боговъ. Мудрая Минерва совѣтовала Зевесу обришся, и такимъ образомъ освободишъ себя отъ угрожавшихъ ему Тишановъ; но онъ въ гнѣвѣ, презирая бришву, повергъ Перунъ. Тогда попрѣсса Олимпъ, обвяшая пламенемъ брада съ шумомъ низпала на землю и причинила потѣ славный пожаръ, копорый описываетъ Овидій во второй книгѣ превращеній! Будучи поэтъ, а не историкъ, Назонъ не былъ обя-

занѣ представишь сіе произшествіе въ истинномъ его видѣ; почему не удивишельно, что онѣ здѣлалѣ Фебову колесницу изъ Юпитеровой бороды, а Фазіона изъ блохъ. — И такъ, естли могущество Юпитера не успрашило неисповыхъ блохъ-Типановъ, по какая власъ на землѣ удержишь ихъ въ предѣлахъ уваженія? Чего же должна ожидать отъ нихъ добродѣтель? — Ахъ! не довольно ли шерпишь она отъ злобы, зависти, коварства и предразсудковъ! надобно еще, чтобы и блохи преслѣдовали ее по пупи жизни. Но утѣшься, несчастная! праведное Небо любитъ тебя болѣе, нежели Юпитера. Гордость, пышность, власъ во вѣки не укроюшся отъ блохъ: онѣ сыщутъ ихъ въ адѣ. А для тебя уготовано такое жилище, къ которому ни одна блоха приблизиться не дерзнетъ. — И ты, бѣдная ученость, щещно возносишься на чердакъ и, окруженная громадами книгъ, сидишь подъ парикомъ. Мизософы-блохи превозмогаютъ всѣ сіи укрѣпленія, успремляюшся на тебя со звѣрствомъ Сарацынъ и упиваюшся пвоею кровію. Когда же, послѣ храбраго сопротивленія, удаешь тебѣ полонить хотя одного изъ темныхъ враговъ пвоей свѣдѣности; ты неумерщвляешь его, какъ другіе, но съ безпримѣрнымъ блохолобіемъ заключаешь только въ микроскопъ. Повергнись предъ Александромъ великодушнымъ, что въ Россіи дарованы тебѣ

надежнѣйшія средства защищаться отъ блохъ, нежели каковыми пользуешься ты въ Германіи. Въ Россіи не имѣешь ты нужды взлѣзать на чердакъ, окружаешь себя книжною спѣною и пошѣшь, сидя подъ парикомъ. — Казалось бы, что черные кровопійцы должны ужиться въ мірѣ съ своими собратіями, незаконорожденными чадами Юриспруденціи. Душа подьячего, которую всякой можешь видѣть за весьма умѣренную цѣну, даже и по нынѣшнему курсу, душа подьячего сущая блоха: также черна, также мѣлка, проворна, язвительна, безстыдна, ненасытна. При всемъ томъ блохи поступаютъ съ подьячими споль же нагло, какъ они съ своими несчастными жертвами. — Вся разность въ томъ, что блохи пьютъ одну кровь, а подьячіе и водку и вино и полпиво и пуншъ и кровь. — Да возстанетъ на нихъ несмѣтная сила блохъ; да покроетъ ихъ отъ кармана до пера, лежащаго за ухомъ; да искушаетъ до костей и проникнетъ до сердца, которое щепотно спарается грызть беззубая ихъ совѣсть.

Предоставляю мужамъ ученѣйшимъ говорить о началѣ, происхожденіи, законахъ и просвѣщеніи блохъ: матерія обильная, которою можно начинить нѣсколько огромныхъ фоліаншовъ!

СЛОВЕСНЫЯ ОБЕЗЬЯНЫ.

Обезьяны составляютъ нѣчто среднее между человѣкомъ и прочими животноными. Такая немаловажная честь особенно принадлежитъ тѣмъ изъ нихъ, которыя населяютъ значную часть Западной Европы. Видомъ и смѣшными ухватками онѣ почти тѣ же орангутанги; но онѣ сихъ косматыхъ собратіи своихъ опличаются, сверхъ гладкости тѣла, способностію болтать и напѣвать аріи. — Какъ! скажутъ мнѣ, подлая сіи швари имѣютъ безцѣнный даръ слова! — Оставьте восклицанія; намъ ли постигнуть намѣреніе Творца природы. Ему угодно было, чѣтобъ Европейскія обезьяны говорили, и онѣ говорятъ. — Словесные орангутанги, не смотря на сродное имъ непостоянство, жили всегда обществомъ. Они имѣли правитель-ство, и даже обряды Богослуженія, не потому, чѣтобы знали пользу и важность священныхъ сихъ установленій, но изъ одного только слѣпаго подражанія сосѣдственнымъ народамъ. Всякой легко себѣ представитъ, что царство обезьянъ должно быть презабавное царство. Если сіи животные и въ дикомъ, безсловесномъ состояніи, въ которомъ онѣ въ Африкѣ и другихъ жар-

кихъ спранахъ находящся , могутъ засша-
 вишь хохопашъ самого угрюмаго Лорда
 Англинскаго; по будучи въ Европѣ общежи-
 тельными и словесными , должны онѣ имѣти
 въ высочайшей степени способность смѣ-
 шить и забавлять. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ
 не лзя было лучше предохранить себя отъ
 гипохондріи, какъ между ними , и попому
 люди, копорые боялись умереть отъ скуки,
 спѣшили къ нимъ оповсюду. Столица ихъ
 была наполнена богатыми празднотцами.
 Проворныя обезьяны ревностно старались
 занять своихъ госпей достойнымъ ихъ об-
 разомъ. Для сего употребляли онѣ все свое
 неподражаемое, смѣхотворное искусство ; и
 гости были столько къ нимъ признапельны,
 что за кривлянья ихъ бросали имъ полными
 горстями не орѣхи, но червонцы. Блестящія
 сіи кружечки весьма нравились Европейскимъ
 орангушангамъ: они хватали ихъ съ жад-
 ностію , разсмащивали и перебирали съ
 любопытствомъ , побрякивали ими съ нѣко-
 торымъ щеславіемъ и берегли ихъ съ вели-
 кимъ раченіемъ. Такимъ образомъ иная обезъ-
 яна стала богата , какъ Крезъ ; а другой
 Крезъ, проживши въ столицѣ орангушанговъ,
 сдѣлался голъ , какъ обезьяна. Бѣдный сей
 человекъ подвергся неминуемо презрѣнію и
 наглости тѣхъ самыхъ живописныхъ , копо-
 рымъ оказывалъ онъ свою непомѣрную и пре-
 глуную щедрость. Неблагодарные бросали въ

него грязью, дѣлали ему тысячу другихъ ругательствъ и принуждали его уходить безъ памяти изъ скопскаго ихъ царства. Дерзость и неблагодарность Европейскихъ орангушанговъ не могли произвести въ людяхъ справедливой ненависти къ подлымъ и насмѣшливымъ шварямъ симъ, напрошивъ того безразсудная къ нимъ привязанность превратилась въ сильную спрость, и разумныя существа до того наконецъ унизились, что стали подражать обезьянамъ. Подобно имъ кривляться, прыгать, лепешаться—считалось опличнымъ достоинствомъ, а упражненія такого роду составляли то, что называлось хорошимъ воспитаніемъ. Знашныя и достопочные люди съ великимъ издивеніемъ выписывали словесныхъ орангушанговъ и съ сердечнымъ удовольствіемъ поручали имъ дѣшей своихъ. Подъ руководствомъ превосходныхъ сихъ учителей питомцы быстрыми успѣхами восхищали своихъ благо-разумныхъ родителей. Въ короткое время дѣлались они также забавными, какъ и наставники ихъ. Орангушангское воспитаніе сколько было уважаемо, въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ, что самая лестная, для молодаго мужчины, или женщины, похвала состояла въ семъ привѣтствіи: вы, сударь, или сударыня, ни мало не походите на человѣка; вы совершенная обезьяна, или покрайней мѣрѣ имѣли щастіе воспитан-

вашься въ столицѣ словесныхъ обезьянъ. Но перестанемъ говорить о семъ постыдномъ заблужденіи людей; умолчимъ о пагубныхъ его слѣдствіяхъ, и заглянемъ опять въ царство Европейскихъ орангутанговъ. Нѣсколько въковъ члены забавнаго сего общества играли, шакъ сказать, почти всегдашнюю комедію. Если бывали иногда прагматическія представленія, то онѣ сопровождаемы были поль спранными кривляньями, что вмѣсто сожалѣнія возбуждали въ зрителяхъ громкій смѣхъ. Обезьяны казались почти нечувствительны къ бѣдствіямъ: чшобы имъ ни приключилось, онѣ прыгали и пѣли. Непрерывная веселость ихъ и многія выгоды, копорыя онѣ отъ людей получали, дѣлали ихъ щасливыми живошными. Но могла ли существовать вѣчная дружба между непостояннымъ щасіемъ и вѣренными обезьянами? Долговременное согласіе наскучило и тому и другимъ. Обѣ стороны, для любезной перемѣны, желали здѣлаться непримиримыми врагами. Коварный нѣкій духъ постарался исполнить взаимное ихъ желаніе. Чшобы на всегда посорить Европейскихъ орангутанговъ со щасіемъ, онъ внушилъ имъ дерзкое, для нихъ и для свѣта пагубное предпріятіе. Словесныя, но безсмысленныя пвари сіи возмечтали, что онѣ въ состояніи не только сравниться съ людьми, но и превзойти ихъ. Онѣ захотѣли пересхупить черту, отдѣляющую,

такъ сказать, словеснаго орангутанга отъ истиннаго человека, черпу, подлѣ которой всякая обезьяна должна сказать себѣ: *non plus ultra!* захопѣли онѣ умствовать. Въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій грубая ихъ душа (если позволено какую-нибудь душу полагать въ орангутангѣ) достигла мало по малу до возможнаго для обезьяны совершенства, но желая идти далѣе, какъ ракъ поползла назадъ. Обезьяны опіюнь сего не примѣтили:—бредъ свой почитали онѣ умствованіемъ, и всякой вздоръ, какой только приходилъ имъ въ голову, выдавали за важное открытіе и неоспоримую истину. Все имъ не нравилось, все хотѣли перевернуть, и виждали отъ досады, чувствуя себя не въ силахъ вселенную въ верхъ дномъ опрокинуть. Орангутанги присвоили себѣ названіе философовъ. Посмотримъ теперь, въ чемъ состоитъ великая ихъ премудрость. Орангутангскій философъ долженъ быть также опличенъ отъ нефилософа, какъ зеленая маршешка отъ пифика съ бѣлою бородою; онъ презираетъ всѣ обязанности, не имѣетъ ни страха, ни надежды, и боится только одной висѣлицы; осмѣиваетъ все то, что человѣческимъ благоразуміемъ и опытностію признано за нужное, полезное и священное; что возвышало и дѣлало щасливыми не только людей, но нѣкоторымъ образомъ и самыхъ словесныхъ обезьянъ; единственнымъ своимъ законо-

нодашелемъ почишаеиъ онъ природу, а не-
 лѣпныя бредни свои, склонности, прихоти
 и спраси называеиъ ея законами. Сооб-
 разно съ сими законами философу прилич-
 нѣе ходить на чепверенькахъ, нежели на
 двухъ ногахъ; онъ можеиъ смѣло посадиъ
 на вершѣ подобнаго себѣ философа, и
 сжаривши его, съѣсть какъ барана; ему не-
 приспойно любиъ своихъ родителей, и со-
 крушаиъся о смерти ихъ, по той важной
 причинѣ, что иикогда волъ не забоиися о
 бѣдномъ соспоиіи преспарѣлаго башюшки
 своего быка, и иикогда оселъ не оплакиваеиъ
 покойной мапушки своей ослицы. Словомъ:
 вообразимъ всѣ гнусныя, смѣшныя, жалкія и
 ужасныя свойсва, какія только въ самыхъ
 низкихъ скопахъ когда-либо замѣчены были,
 и мы увидимъ тѣ совершенсва, къ кото-
 рымъ ведеиъ орангутангская философія.

Не съ такою скоростію и легкостію Аф-
 риканскія марпышки вскарабкиваюиъся на
 вершину пальмоваго дерева, съ какою Европей-
 скіе орангутанги спремилиъся на высоту но-
 вой премудрости. Успѣхи ихъ были удиви-
 тельны. Къ чему много способсвовала чрез-
 вычайная ихъ дѣятельность, переимчивость,
 а особливо удобность, съ какою они повсюду
 и безъ великаго пруда могли пользоваиъся
 учениемъ: всякой хлѣвъ былъ для нихъ Акаде-
 мія, и всякое чепвероногое живошное могло,
 не хуже Канша, преподаваиъ имъ пракшче-

скую философію.—Между орангутангскими мудрецами наиболѣе прославилась одна длинная, желтая, пощая, уродливая обезьяна. Для нѣжнаго уха пріятно будетъ слышать, что она называлась *Rl-oenia*; но была извѣстнѣе подъ именемъ *Ubrt-eoia*. Ее почитали апаманомъ многочисленной философической шайки. Одинъ орангутангъ, коего сладкозвучнаго имени я не помню, написалъ толстую книгу о семъ длинномъ (я хотѣлъ сказать великомъ) своемъ соотечественникѣ. Со всею почтостію историка повѣспивуетъ онъ, что желтая обезьяна, по большей части, ходила въ красныхъ шпанахъ и въ огромномъ рыжемъ парикѣ. Ему казалось, что и сіе обстоятельство будетъ нѣкогда для свѣта драгоцѣнно. Вотъ какъ уважали орангутанги первоспапешаго мудреца своего! Но не одни Орангутанги, нѣтъ! должно, къ стыду челоѣчества, признайся, что весьма многіе изъ людей почти боготворили безобразную сію обезьяну. Она такъ искусно приправляла философское вранье свое, что трудно было, опровергнувши его, узнать сокрытый въ немъ ядъ. Однимъ какимъ-нибудь насмѣшливымъ кривляньемъ заставляла она молчать и здравый смыслъ, и совѣсть. Ея стараніемъ новая премудрость, какъ нѣкая зараза, распространилась повсюду. Молодые люди, по легкомыслію своему, столь близкіе къ обезьянамъ, были наиболѣе подвержены прилипчи-

вой сей болѣзни. Они гордились именемъ орангутангскаго философа, доказывая сужденіями и посшупками своими, что не напрасно присвоили себѣ пышное сіе названіе. — Вѣру, любовь къ опечесшву и всѣ испинно чловѣческія добродѣтели почиали заблужденіемъ, предразсудкомъ, невѣжесшвомъ, варварсшвомъ; а слово добрый было тогда только ими употребляемо (особливо на любимомъ ихъ орангутангскомъ языкѣ), когда хотѣли они бранишъ или осмѣяшъ кого-нибудь. При пакихъ достоинсшвахъ чего недоставало имъ, чтобъ бышъ совершенными философами? того только, что они все еще, не извѣстно по какой причинѣ, ходили не на чешверенькахъ! — Длинная обезьяна прыгала отъ радости, видя орангутангскую философію въ шоль цвѣтущемъ состояніи; но смершъ прекрапила ее кривлянья, прежде нежели созрѣли плоды скопскаго ея ученія. Злое зелье сіе было, по возможности, искореняемо разсудкомъ въ спранахъ, населяемыхъ людьми: но въ царствѣ Европейскихъ обезьянъ ничто не могло препяшшвовашъ его размноженію. Словесные орангутанги съ жадносшію пожирали дурманъ сей, и обѣвшъ его, пришли въ несказанное бѣшенсшво. Вдругъ изъ забавныхъ живошныхъ здѣлались свирѣпыми чудовищами. Несшало въ царствѣ ихъ порядка, который предки ихъ, древнія обезьяны, отъ людей заимсшвовали.

Какъ самые опасные изъ Американскихъ
змѣевъ узнающся по гремушкамъ, такъ самые
лютые изъ Европейскихъ обезьянъ замѣшны
были по краснымъ колпакамъ. Подъ ихъ пред-
водишельствомъ бѣшеные орангутанги съ не-
описанною яростію бросались другъ на друга,
грызлись и рѣзались между собою. Можно
ли было думать, чѣобы неслыханные до того
времени ужасы произошли отъ столь смѣш-
ныхъ пварей! Конечно бы неисповое племя
ихъ само собою испребилось; но къ неща-
стію свѣта появилась между ними обезьяна,
роспомъ съ пифика, но гораздо его безоб-
разнѣйшая. Пификъ сей одержалъ верхъ
надъ красными колпаками, и мало по малу по-
рабошилъ себѣ и всѣхъ словесныхъ обезьянъ.
Казалось, что припадки бѣшенства ихъ
прошли; но скоро увидѣли, что сіе было
только временное облегченіе въ ихъ болѣзни.
Первые признаки возобновившагося бѣшен-
ства оказались въ уродливомъ ихъ облада-
телѣ, а въ слѣдъ за нимъ одурѣли, по преж-
нему, и подвласные ему. Заскрежешалъ зу-
бами, пустилъ пѣну ртомъ, и, таща за собою
премногочисленную сволочь, ворвался въ со-
сѣдственныя Государства, опустошилъ
Западъ Европы и бросился на Сѣверъ. Но
трозный Сѣверный народъ умѣетъ пошчи-
вать незваныхъ гостей: по испытали нѣ-
которые завоеватели, по испытываетъ
достойный ихъ подражатель бѣшенный Пи-

фикъ. Уже половина предводимыхъ имъ орангушанговъ погибла опъ жестокой діарреи, копорая произошла опъ сильно на нихъ подбйспвовавшаго спраха, при первой вспрбчб съ раздраженными Гипербореянами. Оспальные, безъ сомнбнія, будущъ переко-
лочены въ непродолжительномъ времени. Можно бы здблать имъ слбдующую надгроб-
ную надпись, копорая бы послужила, можетъ бытъ, нбкоторымъ наспавленіемъ для ихъ соопечеспвенниковъ и единомышленниковъ: обезьяны! *хотите ли быть щастливы: крив-
ляйтесь, но не цмствуйте*; однакожъ нб-
кто искреннбйшій пріятель мой, спраспный спихопворецъ, копорый и во снб бредишъ ямбами, ушверждаешъ, что загошвенная имъ эпипафія гораздо лучше сей надписи.
Съ согласія его помбщаю ее здбсь въ концъ моего о словесныхъ орангушангахъ повбспво-
ванія,

Э П И Т А Ф І Я.

Почто, прохожій, спалъ, узрбвъ сіи могилы?
Иль мыслишь: здбсь лежатъ безспрашныя Ахиллы.
Ббги, не заразись шы воздухомъ сихъ спранъ,
Гдб ббшенныхъ шолны зарышы обезьянъ.

РАЗГОВОРЪ МЕЖДУ ДВУМЯ МЕРТВЕЦАМИ и МЕРКУРИЕМЪ.

МЕРКУРИЙ, Англинскій поединщикъ и дикій
Сѣверо-Американецъ.

П о е д и н щ и к ъ.

Пока Харонъ переправившся къ намъ съ другой стороны Спикса, позволь мнѣ, Меркурій, поговорить съ дикимъ Сѣверо-Американцемъ, котораго ты сюда со мною привелъ. Я никогда не видалъ такого рода людей. Какой у него свирѣпой взглядъ! — Послушай! какъ себя зовутъ; ты конечно говоришь по Англински?

Д и к о й.

Да! я выучился языку сему въ ребячествѣ, проживши нѣсколько лѣтъ между Англичанами въ Новомъ Йоркѣ. Но я возвратился къ Могокцамъ, храбрымъ моимъ землякамъ, прежде нежели достигнулъ совершеннаго возраста; и будучи при продажѣ рому, безчеснымъ образомъ обманутъ однимъ изъ твоихъ соопчичей, спарался всегда послѣ того не имѣть съ ними никакого дѣла. Однако же я сражался за нихъ вмѣстѣ съ про-

чими моими земляками вѣ послѣднюю про-
тивѣ Французовѣ войну, и убишѣ, находясь
вѣ партіи для сдиранія кожи съ череповѣ не-
пріятельскихѣ. Но я умерѣ вѣ полномѣ удо-
вольствіи; ибо собратія мои одержали по-
бѣду, и покуда меня застрѣлили, удалось мнѣ,
къ славѣ моей, снятьъ кожу съ семи мужчинѣ,
пяши женщинѣ и нѣсколькихѣ младенцевѣ.
Вѣ прежнюю войну совершилѣ я гораздо бли-
стательнѣйшіе подвиги. Меня называютѣ
кровожаднымѣ медвѣдемѣ; имя сіе дано мнѣ
для означенія моей лютоści и неустраши-
мости.

П о е д и щ и к ъ.

Мое почтеніе г. кровожадный медвѣдь: я
вашѣ покорнѣйшій слуга. Меня зовутѣ Оо-
моу Пошуеломѣ. Фамилія моя очень извѣст-
на вѣ Артурѣ. Я родомѣ дворянинѣ, а реме-
ломѣ картежный игрокѣ и человекѣ съ че-
стію. Убиваю людей на похвальныхѣ по-
единкахѣ мое дѣло; но я не мастерѣ рѣзатьъ
женщинѣ и младенцовѣ.

Д и к о й

Такѣ мы воюемѣ. У каждаго народа свои
обычаи. Но я догадываюсь по швоему свирѣ-
пому виду и по скважинѣ, копорая видна вѣ
груди швоей, что шы также, какѣ и я убишѣ,
находясь вѣ партіи для сдиранія кожи съ
череповѣ непріятельскихѣ. Какѣ же, то

могло случиться, что непріятель твой не ободралъ твоей головы?

Поединки.

Я убитъ на поединкѣ. Другъ мой ссудилъ меня нѣкоторою суммою денегъ. Но спустя два, или три года, подвергнулся онъ самъ крайнему убожеству и захотѣлъ, чтобы я съ нимъ расплапился. Мы сошлись въ Гайш-Паркѣ. Противникъ мой не умѣлъ драться на шпагахъ, а я былъ искуснѣйшій фехтовальщикъ въ Англіи. Я далъ ему три, или четыре раны, но наконецъ онъ съ такимъ бѣшенствомъ на меня успремился, что привелъ меня въ замѣшательство и пронзилъ въ легкое. На другой день я умеръ, какъ человекъ съ честью, равнодушно и безъ раскаянія. Однако и онъ вскорѣ за мною послѣдуетъ, ибо лекарь объявилъ, что раны его смертельны. Говорятъ, что жена его умерла съ печали, а смерть его приведетъ къ гибели все его семейство, состоящее изъ семерыхъ дѣтей. Такимъ образомъ я весьма уже опомщенъ и утѣшенъ! Что до меня касается, то у меня нѣтъ жены: я всегда гнушался женильбою. Любовница моя найдетъ вѣрное средство прожить и безъ меня; а дѣти мои не останутся безъ призрѣнія въ воспитательномъ домѣ.

Д и к о й.

Меркурій! я не сяду вѣ лодку съ эшимѣ негодяемѣ. Онѣ умершвилѣ своего согражданина; онѣ умершвилѣ своего друга. На опрѣзѣ говорю тебѣ, что не сяду вѣ лодку съ эшимѣ негодяемѣ. Лучше для меня переправись вплавѣ чрезѣ рѣку; я плаваю, какѣ ушка.

М е р к у р і й.

Переплышь черезѣ Спиксѣ! нѣтъ! ты нарушишь законы Плутонова царства. Спупай вѣ лодку и успокойся.

Д и к о й.

Не говори мнѣ о законахѣ: я дикій и мнѣ они неизвѣстны. Поговори о нихѣ съ Англичаниномѣ. Вѣ его опечесствѣ есть законы; но ты видишь, что онѣ ихѣ не уважалѣ. Они бы не позволили ему умершвить своего согражданина, и припомѣ за то, что онѣ попребовалѣ своихѣ денегѣ. Я увѣренѣ, что Англичане варвары; но они не могутѣ бытъ свирѣпыми до такой степени, чтобы подобные поступки признавались у нихѣ законными.

М е р к у р і й.

Ты справедливо осуждаешь Англичанина; но тебѣ ли огорчаться убійствомѣ, когда ты самѣ умерщвлялѣ сонныхѣ женщинѣ и младенцевѣ вѣ колыбели.

Д и к о й.

Я убивалъ однихъ непріятелей. Я никогда не умертвилъ моего согражданина; никогда не умертвилъ моего друга. — На! положи въ лодку мое покрывало; но смотри, чпобы убійца на немъ не сидѣлъ, или не припротнулся къ нему; иначе я брошу покрывало мое въ огонь, который виденъ на той сторонѣ Спикса. Прощай — я рѣшился переплыть чрезъ Спиксѣ.

М е р к у р і й.

Симъ прикосновеніемъ жезла моего лишаю тебя всей твоей силы. Плыви теперь, когда можешь.

Д и к о й.

О могущественный чародѣй! возвращи мнѣ мою силу. Право я не выйду изъ повиновенія.

М е р к у р і й.

Возвращаю тебѣ силу твою, но веди себя порядочно и поступай по моимъ приказаніямъ. Въ противномъ случаѣ опасайся гораздо худшихъ послѣдствій.

П о е д и н щ и к ъ.

Отдай его, Меркурій, въ мои руки. Пусть онъ будетъ подѣ моимъ присмотромъ. Слушай дикой негодяй! какъ ты осмѣлился презирать моимъ сообществомъ? знаешь ли ты, что въ Англіи принимали меня въ лучшихъ собраніяхъ?

Д и к о й.

Знаю, что ты бездѣльникъ. Не заплашишь долгу; убишь друга, который ссудилъ тебя деньгами, за то, что онъ опъ тебя ихъ потребовалъ! Прочь съ глазъ моихъ! я утоплю тебя въ Спиксѣ.

М е р к у р і й.

Поспой. Повелѣваю тебѣ, чтобы ты не дѣлалъ никакого насилія; разговаривай съ нимъ безъ сердца.

Д и к о й.

Долженъ тебя слушаться. — Ну! скажи мнѣ, какое находили въ тебѣ достоинство, что принимали тебя въ хорошихъ обществахъ? Что ты умѣлъ дѣлать?

П о е д и щ и к ъ.

Ты уже слышалъ опъ меня, что я игралъ въ каршы, сверхъ того у меня былъ хорошій споль: ни въ Англіи, ни во Франціи никто не былъ лучше меня.

Д и к о й.

Такъ ты былъ хорошо! Да бдалъ ли ты печонку, ссегно или плечо убишаго Француза! Вотъ развѣ славное кушанье! мнѣ на моемъ вѣку развѣ двадцать доставалось лакомиться Французяпиною. Я всегда держалъ хорошій споль. Жена моя во всей Сѣверной Америкѣ

почишалась искуснѣйшею въ приготовленіи Французскаго мяса. Ты, чаю, согласенъ, что кушанье твое никакъ не могло сравниться съ моимъ?

П о е д и н щ и к ъ.

Я безподобно танцовалъ.

Д и к о й.

Попляши-ка со мною. Я цѣлстояніи плясать, и пропляшу — ный танецъ съ большою живоспїю, нежели кто либо изъ моихъ земляковъ. Покажи ты намъ свое искусство! Что же ты споишь, какъ сполбъ? Не ужели Меркурій ударилъ тебя своимъ жезломъ? Или ты спыдишься показать намъ, какъ ты неловокъ и нескладенъ! Еспли бы позволилъ мнѣ Меркурій, то бы я тебя заспавилъ пропанцовать такъ, какъ ты еще никогда не танцовалъ. Говори же, что еще знаешь ты, негодный самохвалъ?

П о е д и н щ и к ъ.

И я долженъ все сіе переносить! О Небо! что мнѣ дѣлать съ этимъ нахаломъ? У меня нѣтъ ни шпаги, ни пистолетовъ; а тѣнь его, повидимому, вдвое пропивъ моей сильнѣе.

М е р к у р і й.

Отвѣчай на его вопросы. Ты самъ желалъ вступишь съ нимъ въ разговоръ. Онъ не хо-

рошо воспишанѣ; но ты узнаешь отъ него нѣсколько истинѣ, которыя по неволѣ долженѣ будешь выслушать отъ Радаманша. Онѣ тебя спрашивалѣ: что еще умѣлѣ ты дѣлалѣ, кромѣ того, что ты бѣлѣ и шанцовалѣ?

П о е д и н щ и к ѣ.

Я весьма пріятно пѣлѣ.

Д и к о й.

Ну такѣ пропой же мнѣ свою надгробную, или военную пѣсню. Я тебя вызываю пѣшѣ. — Но онѣ онѣмѣлѣ! онѣ лжецѣ, Меркурій. Все вралѣ, что ни говорилѣ, Позволь мнѣ вырвать у него языкѣ.

П о е д и н щ и к ѣ.

Меня называѣ лжецомѣ! — но ахѣ! я не смѣю мстить ему. Какое безчесіе для всей Пошуэловой фамиліи! Вотѣ сущее мученіе!

М е р к у р і й.

Прими отъ меня, Харонѣ, сихѣ двухѣ дикихѣ. Можетѣ ли грубое невѣжесшво оправдаѣ сколько нибудѣ Могокца въ ужасныхѣ его злодѣянїяхѣ, о томѣ пусть Миносѣ разсудитѣ. Но что сказаѣ въ пользу Англичанина? не по ли, что поединки вошли въ обычай? но сіе извиненіе ни къ чему здѣсь для него не послужиѣ. Не честь побудила его обнажитѣ шпагу прошивѣ своего друга, но фурии, и — къ нимѣ должно его отправить.

Д и к о й.

Еспѣли должно изверга наказашь, полкни
его ко мнѣ, Меркурій. Я великій масперѣ
мучишъ. Вопѣ шебѣ, бездѣльникѣ, на первой
разѣ нѣсколько опѣ меня пинковѣ.

П о е д и щ и к ѣ.

О честъ моя, бѣдная моя честъ, какому
подверглась ты поруганію!

НѢЧТО ОБЪ УМѢ И ПРОСВѢЩЕНІИ.

Ничемъ столько человѣкъ не гордится, какъ умомъ. Мы охотно иногда соглашаемся, что есть люди знаменитѣе насъ, богачѣе, прекраснѣе. Много если пожалѣемъ о себѣ, что лишены такихъ преимуществъ, и позавидуемъ тѣмъ, которые ихъ имѣютъ. Но признайся чистосердечно, что мы когонибудь глупѣе, ужасно для нашего самолюбія, и трудно избѣгая пому нашей ненависти, кто смелѣе говоритъ намъ о сей несносной для насъ истинѣ.—Такое чрезвычайное въ уму приспращіе происходитъ, кажется, отъ внутренняго удосповѣренія въ превосходствѣ сего божественнаго дарованія. Ему обязаны мы отличнымъ достоинствомъ существа своего. Кромѣ его, что можетъ внушить намъ презрѣніе къ животнымъ не одного съ нами рода? Чѣмъ похвалимся мы предъ ними? — Сильнѣе ли Милонъ слона? прелестнѣе ли Анпиной павлина? важнѣе ли Парацельсъ Индѣйскаго пѣлуха. Въ коварствѣ лисица поспоришь съ самымъ понкимъ полишикомъ, а въ хищничествѣ тигръ не уступитъ никому изъ завоевателей. Пусть угаснетъ въ человѣкѣ сія небесная искра,

и онъ сполько же будешъ имѣть права называться царемъ природы, какъ и всякая обезьяна.—Если умъ споль для насъ драгоцененъ; если другіе преимущества споль предъ нимъ ничтожны: то съ какимъ рвеніемъ должны мы спремиться ко всему, что можешъ пишатъ его и возвыситъ. Каждое здѣланное нами размышленіе, особливо когда открываешъ неизвѣстную намъ до того истину, или хотя умножаешъ только число нашихъ понятій, должно восхищатъ насъ, а упражненіе такого роду бытъ пріятною и необходимою для насъ по потребности. Въ самомъ дѣлѣ, чувство сей потребности и желаніе удовлетворитъ ей бывающъ въ человѣкѣ сильнѣйшею изъ спрасей. Исторія представляешъ удивительные тому примѣры. Сей проводишъ жизнь свою въ трудныхъ и опасныхъ путешествіяхъ съ единственнѣмъ намѣреніемъ распроспранитъ кругъ своихъ познаній; потъ, среди ужасовъ и разрушенія покойно наблюдаешъ смертоносныя явленія (а); иной каплю мудрости предпочипаешъ бочонкамъ золоша (b);

(а) Плиній старшій.

(b) Друзья Анаксагоровы просили его, чтобы онъ упошребилъ нѣсколько часовъ для приведенія дѣлъ своихъ въ порядокъ. Могу ли, отвѣчалъ философъ, раздѣлять время мое между дѣлами и ученѣмъ, когда я каплю мудрости предпочипаю бочкамъ золоша!

другой, испоргнувъ у себя зрѣніе, опчуждается, шакъ сказаць, опъ всей природы, чшобы жиць и занимається однимъ умомъ (с). Такова его очаровашельность! И быспро приблизилось бы человѣчешво къ возможному своему совершенству, еслибъ она одинаково на всѣхъ людей дѣйствовала. Къ сожалѣнію, не прудно увидѣшь разительную показаннымъ образцамъ прошивуположенность. Весьма многіе въ опношеніи къ ихъ уму походящъ на шакого вишязя, копорый, шаская при себѣ изъ одного хвасшовства свой мечъ булашный, не забопипся ни мало, чшо онъ часъ опъ часу болѣе шупѣетъ и покрывается ржавчиною. Посмопримъ, на примѣръ на какого нибудь моднаго вершопраха. Сѣ какимъ усердіемъ и опасеніемъ всякую почти минушу оправляетъ онъ свою пѣпушью причоску (à la coq); но въ десятъ лѣтъ не взглянетъ на бѣдное состояніе своего умишка. При всѣмъ шомъ гораздо болѣе польспипъ его самолюбію назваць его просвѣщеннымъ человѣкомъ, нежели когда ему скажешь, чшо онъ, нося на человѣческомъ шуловищѣ ослиную голову сѣ пѣпушьимъ гребнемъ, естъ чудо еспества и сокровище кунсткамеры. — Чшо же думаешь о людяхъ, копорые ненавидящъ просвѣщеніе и бѣгающъ опъ него какъ опъ чумы? Тѣ, копорые бла-

(с) Демокришъ.

гословляють невѣжество по довговременной
кѣ нему привычкѣ, заслуживають всякое
снисхожденіе. Естествоенно ли, чѣобы чело-
вѣкѣ, родившійся и выросшій во мракѣ, могѣ
прославлять лучи солнца, копорые вѣ первый
разѣ поражаютѣ слабое его зрѣніе. Мало по
малу ощутишь онѣ благошворное ихѣ дѣй-
ствіе, и тогда не позавидуешь прежнему сво-
ему соспоанію. О шѣхѣ же, копорые не пер-
пятѣ свѣта наукѣ, какѣ бы по особливой
своей природѣ, справедливо можно заклю-
чить, что они чупѣ филины и нешопыри
рода челоѣческаго; но какѣ вѣ угожденіе
мышамѣ лепучимѣ не угаснетѣ солнце вѣ
мірѣ, коимѣ управляетѣ премудрое Боже-
ство, шакѣ вѣ угожденіе мизософамѣ не
угаснетѣ свѣтѣ наукѣ вѣ Государствѣ, гдѣ
царствуетѣ Геній богоподобный.

О П А М Я Т И.

Впечатеніе существъ постороннихъ въ составъ бытія нашего поль велико, что отъ него преимущественно зависить наша цѣлосць и разрушеніе, блаженство и бѣдствіе. Сами по себѣ мы ничтожны, и для того даны намъ чувства, чрезъ которыя знакомимся мы съ природою и получаемъ впечатлѣнія отъ предметовъ насъ окружающихъ. Въ чувствахъ источникъ удовольствій нашихъ и спрданій; но что бы былъ человекъ, еслибъ прошедшее для него не существовало? — Безчувственный камень былъ бы щастливѣе насъ несказанно. Родъ человеческой испребилсябъ въ самомъ его началѣ; ибо какимъ образомъ избѣгнулъбы онъ опасностей, и удовлетворилъ своимъ потребностямъ? Зло сіе могло бы приключиться, если бы міръ сей былъ дѣло слѣпаго случая и игры атомовъ; но онъ есть совершеннѣйшее произведеніе непостижимой Премудрости, одарившей насъ всѣми для щастія нашего нужными способностями, и между ними *памятью*. Она-то возобновляетъ въ душѣ нашей предметы, когда либо на чувства наши дѣйствовавшіе. Съ ея помощію человекъ въ другой часъ свѣта видитъ и слышитъ оставлен-

ныхъ имъ въ опечесствѣ друзей; старецъ окружаешъ себя предметами, занимавшими его во время юности. Память творитъ прошедшее наспоющимъ, предметъ опдаленный присутствующимъ.

Но что такое сія удивительная способность?—Скажущъ нѣкоторые: она есть хранилище нашихъ понятій, почиаемыхъ ими за нѣчто вещественное. И такъ, по ихъ мнѣнію, мозгъ славнаго Линнея былъ загромозженъ деревьями, Декаршову голову наполняли вихри, Пластонову преугольники, а Эпикурову пустоша съ атомами. Ничего нѣтъ забавнѣе и несправедливѣе. Ближе къ истинѣ слѣдующее. Мозгъ нашъ, имѣя сообщеніе съ органами чувствъ, приводится во время дѣйствія на нихъ какого нибудь предмета въ нѣкоторое опредѣленное движеніе (modification). Въ такое почно состояніе можетъ онъ послѣ приходитъ, будучи единственно волею къ тому побуждаемъ. Симъ образомъ произойдетъ въ душѣ нашей одинакое въ обоихъ сихъ случаяхъ измѣненіе ея положенія; т. е. она будетъ занята одинакимъ предметомъ или понятіемъ; и въ семъ, кажущся, состоятъ память. Пребываніе ея въ мозгу доказывається тѣмъ, что малѣйшее въ немъ поврежденіе ослабляетъ ее, а иногда и совсѣмъ прищупляетъ; между тѣмъ какъ самое лишеніе другихъ частей тѣла не препятствуетъ ея дѣйствіямъ. Спросятъ: гдѣ

же понятія наши, когда мы ими не занимаемся? Ихъ нѣтъ ни гдѣ, какъ звуковъ голоса нашего, когда мы молчимъ. — Изъ сказаннаго теперь о памяти можно заключить, что совершенство ея зависитъ преимущественно отъ щасливаго усроенія органовъ чувствъ и ея собственнаго. Аѳинскій полководецъThemistocles и математикъ семнадцатаго вѣка Паскаль были много въ семъ обязаны природѣ. Они имѣли шоль удивительную память, что первый въ годъ совершенно выучился Персидскому языку; а послѣдній, пока не ослабѣлъ въ здоровьѣ, никогда не забывалъ того, что слышалъ, видѣлъ, или читалъ. Не всѣ однако Themistocles и Паскали; не всѣмъ равно благошворитъ природа; но есть способъ усовершенствовать память, безъ которой прочія душевныя способности почти недѣйствительны и безполезны. Способъ сей — *навыкъ*. Чѣмъ чаще и продолжительнѣе бываетъ въ душѣ какое нибудь измѣненіе ея положенія, тѣмъ съ большею удобностію оно въ ней возобновляется; т. е. чѣмъ чаще представляемъ себѣ какой нибудь предметъ, чѣмъ долѣе останавливаемъ на немъ вниманіе наше, тѣмъ съ большею скоростію и ясностію возраждается въ насъ понятіе такое. Подобно сему персты начинающаго учись на какомъ нибудь музыкальномъ орудіи сперва медленно и неопредѣленно движущся, но при по-

споянномѣ упражненіи гибкость ихъ и проворство увеличивается, а наконецъ безъ всякаго почти усилія и вниманія со стороны музыканта дѣйствуютъ съ удивительною живоспію и точностію.

Щасливѣе, кто съ младенчества занималъ память свою предметами, достойными человека; кто въ младости богатъ уже полезными знаніями. Легокъ для него путь къ просвѣщенію. Но и въ прошивныхъ обстоятельствахъ должно ли опчаяваться? Никакъ. Потеря велика, однако можетъ быть вознаграждена сугубо. Славный Капонъ (Цензоръ) учился въ лѣтахъ уже совершенныхъ, и превзошелъ многихъ, съ дѣтства науками занимавшихся. Несравненный Петръ образователь великаго народа, образовалъ умъ свой, бывъ на тронѣ и въ лѣтахъ зрѣлыхъ. Въместо того, чѣмъ бы роптали на слабость памяти, надобно прудиться. Тогда съ удивленіемъ увидишь каждый истину сихъ словъ: трудъ и терпѣніе все преодолеваютъ.

О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ ПАМЯТЬЮ, ВООБРАЖЕНИЕМЪ и РАЗСУЖДЕНИЕМЪ.

Память, говоритъ Кондильякъ, есть начало воображенія, коего сила еще не увеличилась; воображеніе есть также память, достигшая всей живоспи, къ коей она способна. И такъ память и воображеніе суть двѣ степені дѣйствія одной душевной способности. — Если можно сію душевную способность примѣнить къ ногамъ, то, по мнѣнію Кондильяка, ходитъ — значитъ памятовать, а бѣгаетъ — воображать; ибо что такое ходъ, какъ не самой тихой бѣгъ, и что такое бѣгъ, какъ не самой скорой ходъ? Но кто легко ходитъ, тотъ легко и бѣгаетъ, напропивъ сего не всякой при хорошей памяти живое имѣетъ воображеніе. Съ худою памятью трудно, почти невозможно здѣлаться ученымъ, не всякой однако ученый вымыслилъ Армидинъ замокъ. — Правда, что воображеніе не можетъ существовать безъ памяти, которая снабжаетъ его, такъ сказать, матеріалами не вмѣшиваясь въ распоряженіе ими. Посадишь Юпитера на облако, приспавишь къ нему ужасное лицо съ всеркающими глазами, съ длинною, всклоко-

ченною бородою и дасть ему въ руки перуны
есть дѣло воображенія; надобно однако, что-
бы напередъ память доставила ему понятіе
объ облакѣ, бородѣ и пр.

Въ другомъ мѣстѣ Кондильякъ говоритъ:
когда мы посредствомъ разсужденія замѣ-
тили свойства, коими предметы другъ отъ
друга различаются, то симъ же разсужде-
ніемъ можно совокупить въ одинъ предметъ
свойства, разбѣянные во многихъ. Такъ
спихопворецъ, на примѣрѣ, составляетъ
себѣ понятіе о герое, который никогда не
существовалъ: тогда производимыя понятія
суть изображенія, въ одномъ только умѣ
дѣйствительное бытіе имѣющія; и разсуж-
деніе, которое дѣлаетъ сіи изображенія, при-
нимаетъ названіе воображенія. — Теперь
можно вывести слѣдующее умозаключеніе:
память есть воображеніе, а воображеніе есть
разсужденіе; и такъ память есть разсужде-
ніе; что однако для меня сомнительно. По-
пугай имѣетъ память: онъ можетъ затвер-
дить наизустъ слова Французскаго языка,
но никогда не пойметъ Боссюетовыхъ про-
повѣдей, и того незбыточно, чтобы самъ
дѣлался проповѣдникомъ. Я слышалъ отъ
охотниковъ, что гончіе во снѣ лаютъ, слѣд-
ственно онъ бредятъ — можетъ быть — о
зайцахъ, но не думаю, чтобы гончіе разсуж-
дали объ охотѣ, подобно своимъ господамъ.
Буцефалу, знаменистѣйшему между лошадей-

ми, могло также пригрізися сраженіе при Арбеллахъ, однаковъ онъ не оставилъ историческихъ записокъ о семъ славномъ происшествіи. — Воображеніе и разсужденіе такъ сходны между собою, какъ холодный Генварь и знойный Іюль. Человѣкъ, обуреваемый спрашями, не разсуждаешъ, но слѣдуешъ воображенію. Молодые люди большею частію имѣютъ воображеніе пылкое и неосновательное разсужденіе; прошивное тому видимъ иногда у пожилыхъ. Телемаку нужно было не воображеніе, но разсужденіе Менпора. Первое, не будучи обуздываемо послѣднимъ, подобно быспрымъ огненнымъ конямъ Феба, влечешъ спремительно надъ безднами, зажигаю къ чему ни приближися, и несчастный Фаефонъ, не умѣющій управлять имъ, дѣлается его жертвою. — Однимъ словомъ: я не понимаю, какимъ образомъ память, воображеніе и разсужденіе могутъ быть одною душевною способностію, различно только дѣйствующею. Опроверганъ Кондильяка была бы для меня дерзость непростительная, но сомнѣваться позволено каждому, кто желаетъ научиться размышлять справедливо; въ чемъ, какъ и во всемъ, дѣлательное упражненіе есть одно изъ надежнѣйшихъ средствъ къ успѣху. Сомнѣніемъ я не опасюсь противъ пѣнь славнаго сего философа.

ВЗГЛЯДЪ НА ПРОЗЪБУ

къ

АЛЕКСАНДРУ I

ДОСТОЙНѢЙШАГО СЫНА ФЕЛЬДМАРШАЛА
Румянцова — Задунайскаго,

О ДОЗВОЛЕНІИ ЕМУ ВЪ ЧЕСТЬ ОТЦА СВОЕГО ПАМЯТ-
НИКЪ ВОЗДВИГНУТЬ.

Простое воспоминаніе о Задунайскомъ, преславномъ Героѣ блестящихъ временъ Екатерины, прогаешь истиннаго Россіянина. Но какой сладостный воспорѣ долженъ разлился по душѣ чипающаго сей образецъ сыновней нѣжности и пламеннаго усердія къ Отечеству? Безъ сомнѣнія обѣ сіи добродѣтели водили перомъ знаменишаго просителя въ изящномъ изображеніи его изящнаго намѣренія.

«Каждый сынъ въ правѣ воздвигать пышные монументы отцу своему. Меня убѣждаетъ сердце, что когда наравнѣ съ другими коснусь я примѣровъ, не воздамъ Задунайскому ни по заслугамъ, ни по собственнѣйшей обязанности.» — Вотъ слова, начертанныя сыномъ Россіи и сыномъ Румянцова! — Чувствуетъ онъ всю цѣну заслугъ, опкрывшаго Россіянамъ пайну всегда побѣждавъ

невѣрныхъ (такъ сказалъ Карамзинъ о Герое Кагульскомъ), чувствуетъ великость, святость обязанности къ обществу, даровавшему не одну жизнь, часто бѣдственную, но и способы достигнуть возжелѣннѣйшаго блаженства: заслужишь особенную довѣренность Монарха, особенное уваженіе согражданъ и къ блеску славы общественной придашь лучъ славы собственной.

Далѣе говоритъ проситель: «слѣдуя такому побужденію, я принялъ на себя пойти другою стезею и въ новомъ видѣ въ честь отца моего памятникъ поставишь.» — Взглянемъ на монументъ, который считаешь онъ достойнымъ одного изъ первыхъ Военачальниковъ Россіи, и перваго своего благодѣтеля. — Великолѣпіе, искусство не ослѣпишь, не изумишь насъ, и кто имѣетъ сердце подобное мрамору, иди — удивляйся мраморамъ: памятникъ Задунайскаго шебя не пронесъ. Но для чувствительнаго — какое зрѣлище! шесть Русскихъ Офицеровъ, подъ знаменами побѣдѣвшихъ, изъ коихъ, можетъ быть, иной сражался при Кагулѣ, находясь убѣжище, покой, довольство подлѣ священнаго праха великаго вождя Россіянъ. Сими почтенными воинами окружается гробъ Задунайскаго во время печальнаго панихидъ отправленія. — Что величественнѣе и достойнѣе памяти мужа славнаго? Что способнѣе воспалишь быстраго юношу огнемъ непо-

бѣдимаго мужества и въ самомъ престарѣломъ защитникѣ опечесва пишасть искру геройства, вмѣстѣ съ силами его исчезнуть гошовую? — Древность гордится онымъ пышнымъ, хладнымъ, ничтожнымъ мавзолеемъ! Скромный, живой, благошворный памятникъ сей Задунайскаго, украшая шеперь щаспливыя берега Днѣпровскія, украситъ нѣкогда лѣтопись времени нашего. — Да умножатся въ Россіи подобныя монументы! и тогда забудутъ обелиски Египетскіе! — Сіе новое, превосходное изобрѣшеніе, сей порывъ души благородной изображенъ достойнымъ его образомъ. Краткость, ясность, простота, благородство, живость и разборчивость въ словахъ и выраженіяхъ попеременно и вмѣстѣ украшаютъ сочиненіе. Оно, состоя въ нѣсколькихъ строкахъ, возвыситъ почтеннѣйшаго творца своего надъ многими творцами многихъ помовъ, огромныхъ своею бесполезностію.

ПРИМѢРЪ ПРАВИТЕЛЬСТВА СИЛЬНѢЕ ЗАКОНОВЪ,

Правительство есть душа гражданского общества. Ни государство, ни республика, безъ него существовать не можетъ. Благоуспеваетъ ли народъ, приходитъ ли въ упадокъ; причиною тому, по большей части, правительство. Какія же средства употребляетъ оно для достиженія великой цѣли — ошаспливить миллионы людей? — Законы и общественный примѣръ. Что оба сіи средства ему необходимы, сомнѣваться въ томъ, кажется, не должно. Разсмотримъ, которое изъ нихъ сильнѣе и надежнѣе.

Законъ напоминаетъ намъ, что выгоды общественной жизни покупаемъ мы цѣною независимости своей; примѣръ удовлетворяетъ врожденной намъ склонности къ подражанію; законъ говоритъ разсудку, котораго совѣты рѣдко намъ пріятны бывающъ; примѣръ дѣйствуетъ болѣе на сердце, коему охотно мы повинемся. Первый, будучи нѣчто опвлеченное, весьма не на долгое время останавливаетъ вниманіе наше, а послѣдній

всегда почти у насъ, такъ сказать, предъ глазами.

Отъ чего произошла у предковъ нашихъ пословица: каковъ Царь, такова и орда! — она выведена изъ опытовъ многихъ вѣковъ. Издревле были въ Россіи законы, но видно что примѣръ дѣйствовалъ сильнѣе, нежели они.

Великіе законодаптели чувствовали истину сію. Не упоминая о Ликургахъ и Селевкахъ, скажемъ нѣчто о нашемъ Петрѣ несравненномъ.

Россія, любезное опечесство мое! что ты была до времени Петрова? — Я невѣрю иностранцамъ, которые сыновъ своихъ погдашнихъ уподобляютъ медвѣдямъ. Хулу они на себя произносятъ. Однакожъ, если подумаю, какихъ прудовъ спойло Петру заспавишь тебя возчувствовать силы твои и достоинство, то могу ли не удивляться грубой твоей простотѣ и невѣжеству.

Петръ преобразилъ Россію; но его могущественная палица не произвела бы, подобно Моисееву жезлу, чуда надъ сею дикою скалою. Не одну власць Самодержавнаго Государя употреблялъ онъ; нѣтъ! онъ соединилъ съ нею волшебную силу примѣра. Часто,

весьма часто видѣли Россіяне въ Петръ не величественнаго Монарха, окруженнаго пышными Министрами, кичливыми Военачальниками, гибкими Царедворцами, но пошомъ и пылью покрываго работника среди грубыхъ, простодушныхъ поварищей его! Такъ Зевесъ, оставя громъ и блескъ божества, снисходилъ на землю въ видѣ смертнаго. Но древній богъ сей, повелишель боговъ, принимая человѣческій образъ, принималъ и постыдныя слабости людей. Горе тому, кто послѣдовалъ примѣру его! Не таковъ Юпитеръ—Петръ. Онъ былъ богъ и въ порфирѣ, и въ одеждѣ простаго гражданина, и съ громомъ въ рукахъ, и съ сѣкирою. Чудесною дѣятельностію сообщалъ всѣмъ опъ Министра до мапраса элекприческую искру божества своего. Когда, возставъ опъ прона, становился въ рядъ съ подданными своими, то въ темношѣ низкаго званія его искра сія блистала ярче, нежели при свѣтѣ Царскаго величія. — На полѣ славы, во храмахъ вѣры и правосудія, вездѣ являлъ онъ собою образецъ совершенства. Робкія науки, призванныя имъ изъ спранъ опдаленныхъ въ землю, населяемую грознымъ чадами сѣвера, пипомцами невѣжества и суевѣрія, чувствовали одобреніе, видя, что могущій ихъ покровишель удостоивалъ высокимъ своимъ посѣщеніемъ смиренныя еще убѣжища ихъ, и бесѣдовалъ съ ними въ Царскихъ своихъ черто-

гахъ. Такъ великій, первый Императоръ Россійскій, служилъ подданнымъ своимъ примѣромъ во всѣхъ гражданскихъ добродѣтеляхъ. И что же?—Россія, которая нѣсколько вѣковъ дремала, вдругъ пробудилась и однимъ исполинскимъ шагомъ поравнялась съ значнѣйшими Европейскими Державами на пути ко славію и просвѣщенію.

ГИМНЪ СЛАВЪ,

или

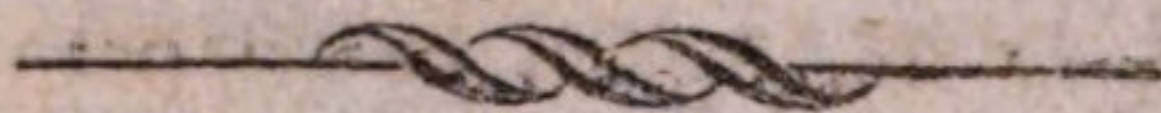
Восторгъ Александра Македонскаго предъ
походомъ его въ Персію.

Слышу гласъ трубный! Се ты зовешь меня
въ слѣдъ за собою; се ты, о слава! сердца
моего единая радостъ, единая опрада и на-
слажденіе; слава жизнь моя, душа моя, бла-
женство мое! Слава! ты первое блаженство
мое; ты кумиръ, которому наиболѣе покла-
няюсь, и въ жертву тебѣ готовъ я прине-
спи и міръ весь и себя. Помыслию только о
славѣ, и прелестъ роскошей исчезнетъ. Цѣ-
пи изъ сладостныхъ воспорговъ сославляли
для меня Сирены, и рай ушѣхъ отверзался
предо мною; цѣпи волшебныя влекли меня къ
себѣ розами, прикрышыя сѣпи ожидали меня,
и усыпляемый сладостраспнымъ пѣніемъ,
клонился уже я къ обвяпіямъ нѣги; но вос-
помянуль вдругъ о славѣ и о величіи моемъ
помыслиль. Ужаснулся слабости моей, и
спыдъ наполниль душу мою. Вдругъ солнце
ошъ меня опвращилось и шѣни предковъ
моихъ воспенали: онѣ зрѣли меня въ уни-
чижищельномъ забвеніи. Воспылалъ огонь на
ланипахъ моихъ; очи мои не познали меня:

ты ли Александръ? вопрошали онъ. Разверзлись небеса, и явилась слава; снишла на златое облако, махнула крылами и облепѣла вселенную. Она опустила завѣсу нощи предъ очи лѣнивыхъ и грубыхъ; отъ блиспанія славы померкли солнца, и непроницаемая мгла вѣчности озарилась. Возгласила подвиги героев, и пробудившіеся вѣки внимали ей. Ты низрѣла на меня, и взглядомъ умильнымъ возвратила душу мнѣ, порывъ героичества попрясъ сердце мое и спремительная отважность закипѣла въ груди моей; отъ единого на себя возрѣнія, отъ прикосновенія ко мнѣ лучей божественнаго лица швоего. Низпустилась съ высоты, и явивъ взорамъ моимъ чудесное иѣкое спекло, разрушила очарованіе. Тогда открыла угрожавшую мнѣ пагубу и показала сладостраспіе въ истинномъ видѣ его — въ видѣ гнуснаго чудовища. Постыдныя спраспи спремались поработили меня во время пылкой юности моей, и въ славѣ обрѣлъ я защищеніе мое. Она вознесла духъ мой и поставила его превыше подлыхъ наслажденій, избравъ меня наперсникомъ своимъ. Слава увѣнчаетъ подвиги мои, по мѣрѣ мужества моего увѣнчаетъ ихъ. Съ младенчества возлюбилъ я славу и щадительно поучался въ наукѣ брани; образцы мои, герои древности, всегда предъ очами моими, и дѣла ихъ возбуждаютъ во мнѣ соревнованіе. Я буду безсмертенъ съ

ними и сохраню имя мое отъ забвенія; увѣнчаешъ меня слава по мѣрѣ стремленія моего къ ней: ищущему тебя лепишь во сръшеніе, и отъ нерадящаго о тебѣ сокрываешься. Ты возбраняешь ничтожеству прикасаться къ великодушнымъ и храбрымъ, и велишь алчному чреву его питаться подлыми и женоподобными; ты возраспишь лавръ мой, о слава! ты малую сѣнь его проспрешь на всю подлунную; побою преодолѣю коварнѣйшаго врага моего, роскошь, и вмѣстѣ съ нею повергну подъ пяту мою презрѣнную рабу ея — Азію. Сіяй, слава, во вѣки! не преспавай блиспать и тогда, когда угаснутъ солнца! Божество мое! ты избавляешь меня отъ ужаснаго небытія; ты небу меня усыновляешь! всѣ вѣки почтутъ любимца твоего; всѣ народы принесутъ ему жертву удивленія. Стремлюсь на поприще твое! Въ концѣ его ожидаетъ меня Міръ на колѣнахъ и Безсмертіе на тронѣ.

К О Н Е Ц Ъ.

4
Новыя книги, продающіяся въ книжныхъ
лавкахъ Свѣшникова, въ Москвѣ и въ С.
Пешербургѣ.

Сочиненія и переводы Николая Михайловича Ка-
рамзина; изданіе шрешіе, исправленное и допол-
ненное нѣкошорыми піэсами, кои въ прежнихъ
изданіяхъ помѣщены не были, какъ то: записка
о Московскихъ достопамятиностяхъ; рѣчь, про-
изнесенная имъ въ собраніи Россійской Акаде-
міи; Біографическія извѣстія о Рускихъ писаше-
ляхъ и проч. и присовокуплено 2 тома Мармон-
шелевыхъ повѣстей. — Сіе новое изданіе сочи-
неній Г. Карамзина напечатано въ одинаковомъ
форматѣ съ его Россійскою Исторіею, также
на бѣлой бумагѣ и хорошими лиферами, почему и
можешъ составишь полное собраніе твореній
знаменишаго сего Писателя. М. 1822 г. — Цѣна
за 11 часшей въ переплетѣ 75 р.

Аншеноровы пушешествія по Греціи и Азіи, съ
присовокупленіемъ любопытнѣйшихъ извѣстій
о Египтѣ; Греческая рукопись, найденная въ
Геркуланѣ и переведенная на Французской языкѣ
Гмб. Ланшье, а на Россійской Пешромъ Макаро-
вымъ, издашелемъ Московскаго Меркурія; шре-
шіе изданіе; въ 3хъ томахъ, съ 5ю каршинами.
М. 1822 г. печ. въ шип. Селивановскаго. Цѣна на
бѣлой бум. 20 р.

Жизнь Али Паши Янинскаго, со времени его дѣт-
ства до 1821 года, содержащая подробное и вѣр-
ное описаніе чрезвычайныхъ его злодѣяній и
ужаснаго надъ поработченными народами Греціи
тиранства. Сочин. Г. Пукевиля, жившаго въ
Греціи съ 1806 года по настоящее время; 2 то-
ма; переводъ съ Французскаго. — Новость, зани-
мательность и достовѣрность при превосход-
номъ слогѣ составляютъ достоинство сего со-
чиненія. Въ ономъ содержишся описаніе нравовъ
и обычаевъ Турковъ, общественныхъ и частныхъ,
ихъ состояніе, нравы, понятія, вѣра и суевѣрія,
госпепріимство Грековъ, домашніе обычаи, до-
мы, пища, частный характеръ и обыкновенія;

церковные дѣла, монастыри, храмы и доходы
оныхъ; благодушiе жишелей Янины, и состоя-
нiе Греціи въ началѣ прошедшаго вѣка. *Въ Жизни
Али Паши* изображены дѣянiя его со времени
рожденiя; его дѣшество, свойства и страсти
внушенныя при воспитанiи; хитрости и вѣро-
ломство употребленныя имъ для порабощенiя
Эпира; способы, коими поддерживалъ санъ свой
при Поршѣ; злодѣйства противъ родственни-
ковъ и благодѣшелей; поведенiе противу Фран-
цузовъ и Англичанъ; неправосудiе и жестокости
противъ подчиненныхъ и наконецъ возмущенiе
противъ Поршы; его домашняя жизнь, привычки
обращенiе, забавы, его богатство, доходы, дворцы
и состоянiе его семейства. — Цѣна оной, съ
портретомъ Али Паши, 8 руб.

Дѣянiя знаменитыхъ Полководцевъ и Министровъ,
служившихъ въ Царствованiе Петра Великаго,
съ портретами ихъ; новое изданiе, дополненное
жизнеописанiемъ Князя Каншемира, бывшаго
Господаря Молдавскаго; 2 т. М. 1821 г. — Цѣна
25 руб.

Новыя Мармонтелевы повѣсти, переведенныя Н.
М. Карамзинымъ, 2 ч. М. 1822 г. въ пер. 17 р.

Сочиненiя И. И. Дмишрiева, 3 ч. съ виньетками и
портретомъ; новое изданiе. М. 1818 г. 25 р.

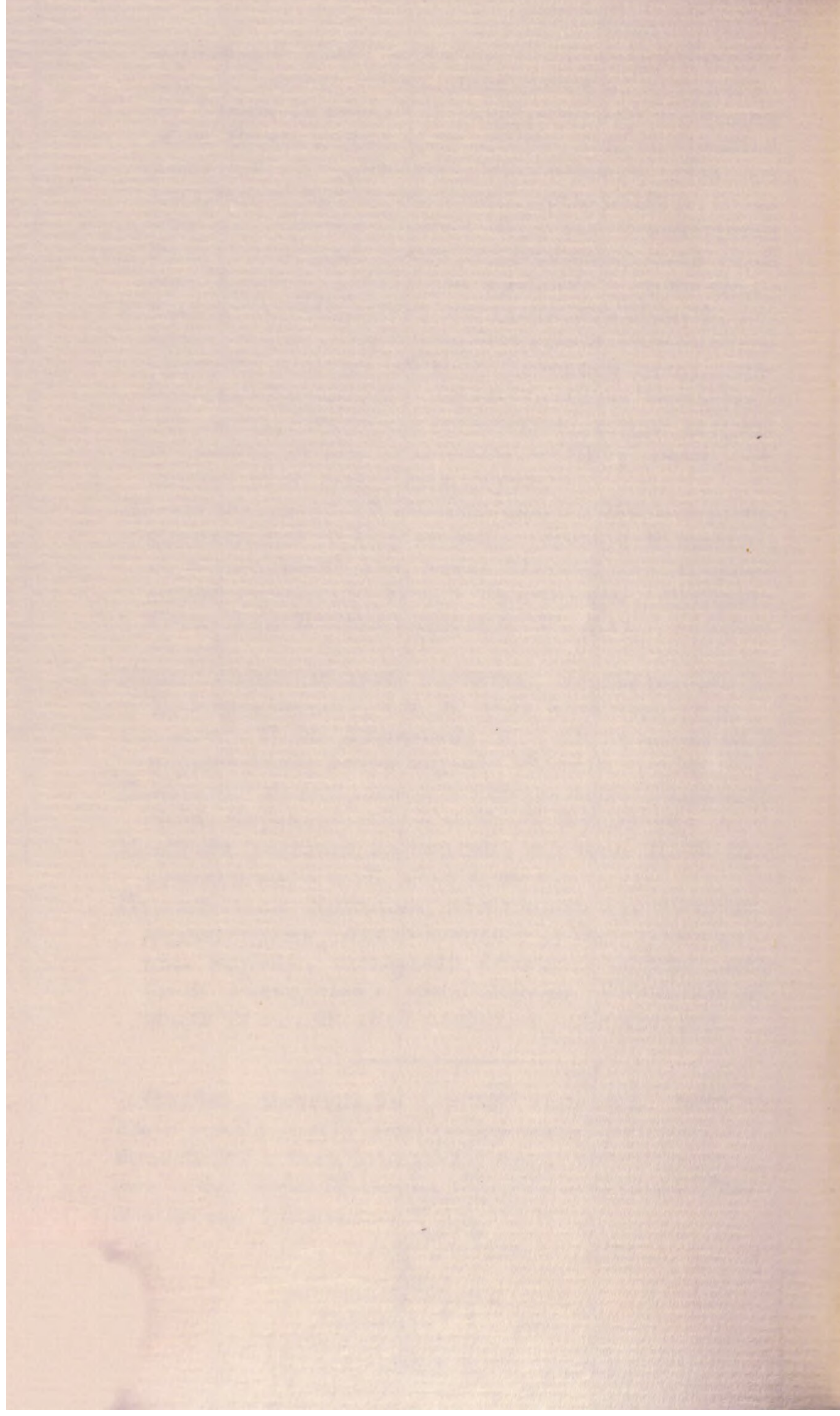
Пантеонъ иностранной словесности, изданный
Н. М. Карамзинымъ; 3 ч. М. 1818 г. въ пер. 20 р.

Повѣсти разныхъ Авторовъ, перевод. Н. М. Ка-
рамзинымъ; 2 ч. М. 1817 г. въ пер. 12 р.

Путешествiе Кришки, или письма одного путе-
шественника, описывающаго другу своему раз-
ные пороки, кошорыхъ большею частію самъ
былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. Сочиненiе С.
Фонъ Ф . . . М. 1818 г. въ 6. 5 р. въ пер. 6 р.

Особы, живущіа въ другихъ городахъ, могутъ
сiи и всякіа другія книги получать во всякой ис-
правности и безъ замедленiя чрезъ почту, адресу-
ясь за оными въ Москву на имя книгопродавца Осипа
Леонтьева Себшникова.

nderel
VAB
nen

Nachimov, Akim Nikolaevič,

Sočinenija

Moskva 1822

P.o.russ. 88 k

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610177-2